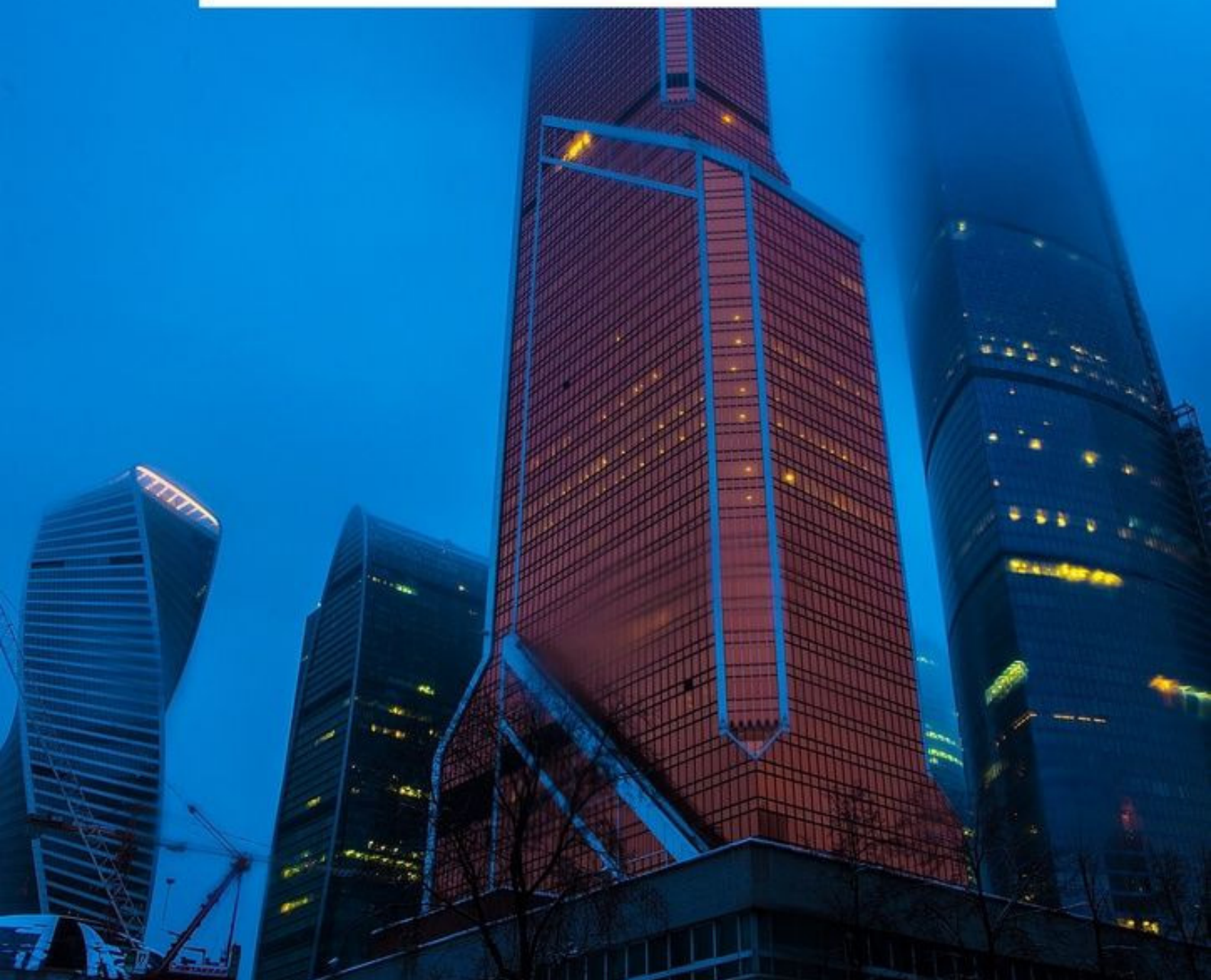
18+

АРКАДИЙ ТЕПЛУХИН

Реинкарнация по-русски

ИЛИ МОСКОВСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Аркадий Теплухин

Реинкарнация по-русски. Или московские приключения учителя литературы

«Издательские решения»

Теплухин А.

Реинкарнация по-русски. Или московские приключения учителя литературы / А. Теплухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857557-0

Это история о простом учителе литературы и русского языка. Так и прожил бы он жизнь скромного учителя, но случилось непредвиденное событие. Высшие силы дали ему возможность выиграть джекпот. В него вселилась душа убитого олигарха Верещагина. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-857557-0

© Теплухин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 31
Глава 7 34
Глава 8 36
Глава 9 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Реинкарнация по-русски
Или московские приключения учителя литературы

Аркадий Теплухин

© Аркадий Теплухин, 2017

ISBN 978-5-4485-7557-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Все, что предчувствовал Дмитрий Сергеевич в последнее время, произошло неожиданно и просто.

Пуля пробила его сердце.

Ему даже показалось, что он видит полет своей смерти. Ее страшный полет.

«Как все вертится» – подумал он и стал сползать по скользкой двери «Мерседеса» на асфальт. Не чувствуя своих ног, он мягко опадал. Страха не было. Боли не было. Время остановилось.

Разорвав мягкое сердце, кусок металла оборвал светлую жизнь Дмитрия Сергеевича Верещагина. Бизнесмена, мужа и отца.

Но то, что случилось дальше, он и представить себе не мог.

Понять жизнь и смерть не под силу нашим слабым интеллектуальным способностям. Как определить, что такое смерть? Мало кто это может осмыслить. Есть проходимцы, которые, якобы, все знают. Есть целая философия о жизни после смерти. Однако, никто еще не вернулся с того света с подробным отчетом.

Сочетание тысячи факторов определяет, придет ли та, с косой, за вами сегодня или нет. Их не сосчитать человеку. Остается только надеяться, что одного или двух факторов не хватит.

В это теплое весеннее утро все плохое соединилось и не оставило шанса Дмитрию Сергеевичу пожить в свое удовольствие. Бизнесмен, который «стоил», по самым скромным оценкам, несколько сотен миллионов евро, распростерся возле машины, с простреленной грудью, в южном городе, Алма – Ате.

***

Все начиналось для Дмитрия Сергеевича хорошо. По просьбе друзей, он прилетел в Казахстан на инвестиционный форум. Заодно, решил прикупить «плохо лежащие» активы – строительный бизнес обанкротившихся местных бизнесменов. Это и было его роковой ошибкой. На эти активы уже кто – то «положил глаз». И вмешательство московского нувориша было крайне нежелательно. Как иногда бывает на постсоветском пространстве, был найден стрелок для совершения акта возмездия, то есть, для ликвидации жадного непрошенного гостя. Заплачены деньги. И от смерти Верещагина уже ничто не могло спасти. Что и произошло. Правда, эту версию убийства представили друзья покойного. Но, как выяснилось в дальнейшем, все было гораздо сложнее и запутанней.

В Алма – Ату Дмитрий Сергеевич прилетел в мае 201… года. Город был чист и зелен. Молодая листва делала из деревьев зеленые облака, которые покачивались в разные стороны от мягкого, теплого ветерка. Солнце весело грело, трава покрыла зеленым ковром все свободные от асфальта места и уже ярко и бархатно цвели яблони и вишни, а тополя стали клейкими и готовыми выпустить свой тополиный белый пуховый пар на улицы города.

Не лишенный в детстве эстетического образования и любящий, по своему, искусство, молодой олигарх был очарован такой идиллической картиной. Особенно его поразили горы – весенние изумрудные хребты Тянь-Шаня и их яркие белые вершины. Нельзя сказать, что он не видел гор раньше. Но швейцарские горы или индийские, не шли, ни в какое сравнение, с алмаатинскими. Он любил горы. В горах он чувствовал, как его наполняет космическая, первобытная сила.

Здешние горы настолько поразили его воображение, что он, нахмурив высокий лоб, думал: «Рядом горы. Задумчиво стоят и ждут победителя. МЕНЯ, – он достал любимую гавану и, щурясь от дыма, ее раскурил. Всматриваясь в горные хребты, он решил придать своим мыслям художественную форму: «Линии гор острые, как клинки из моей коллекции. Вершины как будто рядом; сильные, напряженные, готовые вырваться из каменных рамок, но не могут – нет таких природных сил. Орлы парят в небе, людишки ползают внизу. Где грань между людским потоком и величием горным? Да нигде! Грань в головах… Горы стабильны и надежны. Красивы всегда. А вот род людской плох и завистлив. И не меняется… Хотя, единицы меняются. Я, например, – он выпустил струей кубинский дым и заулыбался.

Верещагин представлял себя альпинистом, который всю жизнь карабкается вверх и все время завоевывает новые жизненные пространства. «Горы седые, но уже без снега, в облачном тумане на верхушках, – думал он, – стоят как вкопанные. Холодно взирают на мир вокруг них и безразличны ко всему на свете. Зазубренные треугольники, под разными углами наваленные друг на друга. А я поднимаюсь наверх, между этими треугольниками. И у меня простая задача, взобраться на самую высоту».

***

Свой строительный бизнес Дмитрий Сергеевич начинал в грозные и грязные девяностые годы. Для чего, что бы сразу придать делу размах, приехал из Томска в Москву. Строить свою новую жизнь. Он не был строителем, но предчувствуя будущий строительный бум, решил строить жилье для народа.

Дело пошло сразу. Имея уживчивый и веселый нрав, он быстро завязывал знакомства с нужными людьми во власти и получал постоянные заказы на строительство. Застраивал спальные районы. Строил элитное жилье, а по мере развития своего бизнеса, принялся строить различные производственные комплексы и офисные здания. В общем, был пионером нового русского капитализма.

За десять лет сколотил хорошее состояние и стал долларовым мультимиллионером. Обзавелся семьей. Жена была дочкой чиновника московской мэрии. Первая жена. Ох, любят наши олигархи менять жен. Что ни олигарх, то любитель новых и свежих жен. Это прямо болезнь богатых и знаменитых. Но семейная жизнь не сложилась. Как и следовало ожидать от выпускницы МГИМО и дочери крупного чиновника, она оказалась женщиной нестерпимого характера. Одним словом – редкостной стервой. Семейная жизнь олигарха превратилась в череду сплошных «боев без правил». Хотя, несмотря на все неурядицы, появились дети; мальчик Саша и девочка Алина.

Все семейство жило в загородном доме, в Жуковке. Этот дом Верещагин строил по одному из своих лучших проектов. Дом – мечта буржуина! Полностью электронный, умный дом. Электроники было напичкано столько, что иногда это пугало как самих владельцев дома, так и прислугу. Так, пылесосы – роботы тихо подкрадывались к отдыхающим и «хватали» за ноги. Видеокамеры «пялили» свои стеклянные глаза и не давали расслабиться. Но, как говорили в семье: «Пусть дети с пеленок привыкают к цивилизации». После десяти лет жизни с женой мегерой, состоялся развод. Развод был тяжелым, и Дмитрию Сергеевичу пришлось отдать часть состояния; но дети остались жить с ним.

Если сказать, что у него не было любовниц, то вряд ли кто поверит. Однако любовницы ему надоели. И через год после развода, он решил сойтись гражданским браком с одной своей старой знакомой Валерией Владимировной Богатыревой. Она была востребованной телеведущей и журналисткой. Одной из ведущих реалити-шоу «Мир миллионеров», где они и познакомились. Девушка хоть и входила в элиту российского общества, но не была избалована. Она приехала в Москву из Сургута, нефтяной столицы России. Как и первая его жена, закон-

чила МГИМО, факультет международной журналистики. Была самостоятельной и материально обеспеченной.

Дмитрий Сергеевич, двадцать лет живя и работая в Москве, основательно оперился. Сказывался его природный ум и способность быстро разбираться, как устроен мир бизнеса и как он будет развиваться. Его интеллектуальный коэффициент IQ был его гордостью. Он составлял 150 баллов. Благодаря такому природному дару, он входил в популярный международный клуб «Mensa International», в который принимают людей, обладающих наибольшим среди людей коэффициентом интеллекта.

Стоит еще отметить тройку страстей Верещагина, которые помогали ему жить полной жизнью олигарха. Как сам он говаривал – «Страсть как люблю людей, спорт и путешествия». Когда его приглашали дать интервью о бизнесе и о себе, он говорил так: «Первая моя страсть – люди. Я командный игрок. Люди это мой главный ресурс. Дня не могу прожить без людей и поэтому у меня так много друзей. Моя вторая страсть – путешествия. Побывал во многих местах на Земле и не собираюсь останавливаться. Люблю быстро ездить, летать и плавать. Поэтому есть машины, мотоциклы, яхта и самолет фирмы Bombardier. Ну чем не олигарх? Много занимаюсь спортом. И в свои сорок два чувствую себя лет на двадцать».

Глава 2

Пуля летела быстро, радуясь своей тяжести и быстроте. Пуля калибра девять миллиметров австрийского Глока 19, готовая сокрушить все, что попадется на траектории ее полета. Высокая дульная энергия придала этому кусочку металла большую пробивную силу. Стрелял профессионал. Ему понадобился только один выстрел.

Дмитрий Сергеевич не чувствовал боли. Можно сказать, что он даже почувствовал некоторое облегчение. Как будто что – то тяжелое и черное оставило его и испарилось в тот самый миг, как пуля киллера вошла в его сердечный мотор. «Допрыгался… Убивают, – пронеслось у него в голове». Все завертелось перед глазами: дома, люди, машины, деревья и горы. Превратилось в красочный рисунок детского калейдоскопа. Затем картинка исчезла, и он вдруг услышал музыку. Странную, но не музыку высших сфер, не ту райскую музыку, а любимую им мелодию группы «Металлика» – «Bleeding Me». Следом, композицию: «The Unfogiven». И так отрывками – то одна мелодия, то другая. Не верьте тем, кто говорит, что в такие секунды слышал райскую музыку. Слышишь только любимые тобой напевы и мелодии.

Казалось, что он заснул возле «Мерседеса». Но такая неподвижность резко отличалась от его невероятного внутреннего состояния. Музыка прервалась, и Дмитрий Сергеевич полетел по темному туннелю. Летел как бы в вакууме и без сил притяжения.

Тело осталось где – то внизу; его тяжесть пропала.

Люди, которые случайно оказались на месте преступления стали прозрачны и он пролетал сквозь них. Ему стало весело. Вдруг он ясно услышал, что думают собравшиеся зеваки: «Ну вот, еще одного хапугу пристрелили… Так и надо капиталисту», «Допрыгался, родимый», «Ой как жалко – то, за что подстрелили бедолагу»….. Приглядевшись к любопытным, он заметил даже плачущую старушку. «Не перевелись еще сердобольные люди, пожалели», – мелькнуло в его голове, если можно сказать, что это еще была его голова. Голова – то осталась на пробитом теле.

В салоне «Мерседеса» образовалось нечто вроде тумана, дверь открылась, и из машины стали выходить знакомые Верещагина. Он узнавал своих родных и близких, которые уже давно покинули наш мир. Они все выходили один за другим из машины, и улыбаясь, проходили сквозь него. Ему стало хорошо.

Вдруг появилось существо, которое было роднее всех остальных. Он, не зная этого ранее, но со всей определенностью узнал в нем своего духа хранителя. Если бы кто ему до сегодняшнего утра сказал, что у него есть дух хранитель, то он, только бы рассмеялся. Не верил он в такие сказки. Да и нельзя сказать, что он был верующим человеком. В Бога не верил. Хоть и не был коммунистом, но атеизм уважал. Только в последние годы, когда стало модным среди российской элиты присутствовать в храмах и показывать свою набожность, он, чтобы не отстать от такого тренда, стал задумываться о сути веры и о Боге. И Бог для него стал более близок. Но скорее всего, это был некий божественный дух, а не Бог. Божественная энергия. Он думал, что обращаясь к этому духу, он заряжается как батарейка «Energizer». С годами, а Дмитрию Сергеевичу «стукнуло» сорок два года, вопрос веры стал его тревожить сильнее. Появилось ощущение, что им кто – то управляет и дает инструкции. Он чувствовал себя планшетником iPod, на экране которого ему писались распоряжения от высших сил.

И со временем, его стали посещать странные, противоречивые мысли о Боге: «Божественная матрица удерживает наш мир от разрушения. Бог, одновременно, и есть, и его нет – все зависит от твоего настроения. Каждый воображает себе Бога в меру своих способностей».

О вере Дмитрий Сергеевич думал так же противоречиво, как и Боге. Мысли приходили разные и в большом количестве, но, в остатке, остались только самые простые, любимые и успо-

каивающие: «Вера – это как остров среди жизненного болота. Смысл жизни не постигнуть без веры. Мир держится на вере, как детский шарик на нитке».

Эти мысли появились вновь, когда он увидел, вернее, понял, что на него смотрит его ангел (дух) хранитель. За спиной ангела появился яркий свет. Он быстро усиливался, и на него стало больно смотреть. Из света вышло, вернее, возникло новое существо. Сущность. Он не мог сказать что это. Может, это и есть Бог?

«Да нет, это не Бог. Не может так выглядеть отец наш вселенский. Весь светится и бестелесен. Вместо зрачков пара темных глобусов. Кажется огромным, но без человеческого роста. Что – то могучее и сильное».

Между тем существо начало говорить и спрашивать. Или, по – нашему, проводить презентацию. Как в фантастических фильмах открылся большой экран и на нем, поочередно, стали прокручивать в картинках (слайдах) жизнь Верещагина.

– Смотри Сергеич, – сказала Сущность, – свою жизнь во всей ее красе. Смотри как ты жил в мире людей и что вытворял.

На экране, очень быстро побежали кадры. Дмитрий Сергеевич ясно увидел и вспомнил, что с ним происходило, начиная с дня его рождения. Увидел, как пошел в первый раз, как окончил школу, институт, как женился…. Увидел всех тех, кого обманул и над кем смеялся и издевался. Увидел «кинутых» им партнеров и работников.

– Готов ли ты умереть сейчас и не попытаться исправить то, что сделал в своей никчемной жизни? – сарказм звучал в голосе Сущности. – Или дать тебе еще один шанс все исправить? Я это могу сделать и делаю только для избранных. Хотя твои проказы перевешивают мое терпение. Может я дам тебе шанс на исправление, но в особой форме. Ты войдешь в мир живых, но так, что душу твою я переселю в простого гражданина. В какого – нибудь представителя «офисного планктона» или простого государственного служащего. Нет, лучше в обычного учителя средних классов. Пусть кому – то будет дана милость господня и он станет богатым как ты, и знаменитым в определенных кругах. Вы люди вечно заняты идеей обогащения. Вот и посмотрим, выдержит ли земной учитель испытание легкими деньгами? Все, я так решил. Тебе еще рано умирать, сделай доброе дело, рассмеши меня и покажи себя в другом теле.

– Подожди, не спеши с выводами, – заговорил Дмитрий Сергеевич тоном начальника, – я не давал своего согласия на такой маневр. Мне не нравится такой поворот дела. Мне хорошо здесь и никуда я не собираюсь переселяться. Все, кого я любил, мои родственники, уже у тебя. Хочу к ним. Отсюда, вся земная жизнь кажется мне черной, без света. Одна тьма и мерзость. Давай договоримся, – он применил свои разговорные тактики бизнесмена, – проведем любой обмен и я останусь здесь, в Раю.

– А кто тебе сказал, что ты попадешь в Рай? Меняй не меняй, все равно в Рай не попадешь. Ибо грешен ты! Могу показать тебе все твои греховные дела на земле. Хочешь?

– Нет, не нужно. Может, есть возможность? Всегда можно договориться!

– Какая возможность, червь ты земной. Что ты меня упрашиваешь? Не бывать тому, что бы я такого знаменитого грешника да отправил в райские кущи, на поселение к красавицам райским и в райские рестораны. Там, заметь, нет фаст – фуда, который ты открыл в Москве и Питере и травил людей плохой едой. Одно это уже не дает тебе права вечно наслаждаться в наших местах. Отправлю тебя обратно. Жаль учителя. Но что не сделаешь ради прекрасного эксперимента? Так что, торг с тобой не уместен.

Дмитрий Сергеевич понял, что проиграл. Он хотел рвануться с места, побежать, куда глаза глядят. Но вспомнил, что у него нет тела. Однако душа его рванула вверх, но наткнулась на стену. Вернее, это было неопределенное препятствие, невидимое, и непреодолимое. Он опять упал к ногам Сущности. Сущность громко рассмеялась, сверкнула своими глазами, вытянула правую руку и сказала: «Пусть сей червяк земной возвратиться в человеческую жизнь и попадет в выбранное мной человеческое тело. Не буду отправлять его в животное или рас-

тение. Это я ему устрою в следующий раз. Пусть посмотрит, как живут простые люди и чему радуются».

Возвращение к земной реальности было болезненным. Душа Верещагина как будто взорвалась. Разлетелась на множество осколков и каждый осколок, приняв ускорение, полетел к месту назначения. Пролетая, он увидел свое безжизненное тело. Скорую помощь и врачей. Видел, что на лицо надели кислородную маску и пытались оживить. «Как смешно, – подумал он, – это мое тело и не мое. Мне уже наплевать на него. Жаль нельзя отсюда плюнуть». Ему стало безмерно радостно. Какая – то сила управляла его полетом, направляя мимо весенних деревьев и кустов. Он летел к пятиэтажке, стоявшей недалеко от места преступления.

Глава 3

С утра в пятницу, как и всегда по пятницам, Степан Куроедов крайне однообразно проводил свое утро. После обсуждения с соседом по площадке возможности наступления последнего апокалипсиса, он развалился на диване made in Беларусь. Взял книгу Гюрджиева: «Рассказы Вельзевула своему внуку» и стал вникать в вопрос – почему мальчишка Хассин называет людей «слизняками». Он не был философом, он был учителем литературы и русского языка в старших классах гимназии №18, но любил блеснуть выдуманным афоризмом или мыслью. Для этого даже обозначился блоггером и стал размещать свои мысли на различных сайтах и в социальных сетях интернета. Интернет заменял ему многое, даже жену. Он говорил об интернете так: «Я думаю, что интернет – это частичное физическое воплощение информационной Ноосферы. Пусть и примитивное, но все же. Можно подключиться к информационному источнику в любой момент и взять что – то нужное для себя, без промедления и своевременно и время поиска нужной мне информации сократилось в сотни раз».

Степан усиленно думал, а цветастый диван скрипел и пел пружинами под его тяжестью. Куроедов был крупным мужчиной, лет сорока, с открытым лицом. С покатым лбом с залысинами и жидкими белесыми волосами; с добродушным выражением лица и серыми внимательными глазами, которые он прищуривал, когда задумывался. Зрение он частично потерял – в баталиях с книгами и компьютером. Поэтому, на публике, носил очки марки HUGO, для показной значимости. Китайскую подделку. Многие вещи, которые он использовал – одежда, обувь, белье, были известных брендов, но брендов, изготовленных на фабриках Китая и Турции. Мечтал же он, как и многие граждане постсоветских стран, о люксовых дорогих вещах.

Читать становилось все труднее, сказывалось выпитое вчера на юбилее старого учителя. Провожали всей гимназией. Куроедов не был пьяницей, но выпить иногда любил. Особенно дорогой алкоголь. Но такое случалось раз – два в году. Вспомнив вчерашний вечер, проведенный в простом кафе, он фыркнул, вспомнив, что он там говорил и делал. «Да, нехорошо… Что подумали коллеги? Стоило ли мешать?». Он встал с разбитого дивана и сел за стол; вынул сигарету Кент и взял свою старую серебряную зажигалку. Чиркнул… Не зажглась. Потряс зажигалку, и запахло бензином. Чиркнул еще раз, и вспыхнула красный тюльпан пламени. Он чуть не обжег себе белесые брови. Закурил. Дым приятной волной ушел в Куроедова. На душе полегчало, и «жить стало веселее, жить стало интереснее». Позвал жену. Никто не ответил.

Жены дома не было, но она оставила на столе утреннюю почту – бесплатные газеты с рекламой и проспекты разных фирм. Степан открыл газету и стал рассматривать голую тетку с рекламой нижнего белья. Его сексуальные фантазии заиграли всеми цветами радуги. Нельзя сказать, что он был фанатом этого дела. Но, если предоставлялся редкий случай, он его не упускал. Идеалом женщины для него являлась Кэмерон Диаз, которая сыграла главную роль в фильме: «Очень плохая училка».

Квартира учителя была в панельной пятиэтажке. Записана на жену Ольгу Владимировну Куроедову. «Двушка» малого размера. Интерьер жилья не включал в себя ничего особенного. Такой ленивый интерьер. Обои небесного цвета, линолеум, протершийся в некоторых местах и целый сад декоративных деревьев и цветов – прихоть жены. Электронное вооружение квартиры состояло: из ноутбука, телевизора – панели Самсунг малой диагонали, холодильника, стиральной машины и соковыжималки. «Без излишеств» – как говаривал Куроедов. Однако сам мечтал о технике Apple, ее новинках, гаджетах, планшетниках, мощном сервере. Только денег на новую аппаратуру не было. Зарплата учителя, сами знаете, какая. На этой почве, на безденежье, между супругами довольно часто происходили ссоры и недоразумения. Раз даже, жена отобрала деньги, которые подарили Куроедову сослуживцы на день рождения.

Степан часто задумывался о методах добычи денег, но кроме банальщины, как например, ограбить банк, ничего в голову не шло. Но иногда приходили светлые идеи и мечты. Была мечта перебраться в Россию, стать крупным учителем, гуру учебного процесса и получить «Большого Хрустального пеликана». Или, стать «Учителем года – 201..» в Алма – Ате; за это дают новую квартиру и машину, плюс, пятидесятипроцентную надбавку к зарплате. Учительское воображение уносило его еще дальше, в США. Стать «Учителем года в США». Деньги, деньги, господа, польются огненным дождем и сожгут прежнюю жизнь бедного учителя.

Из мира фантазий его отвлекли полицейские сирены за окном. Он спустил с дивана белые ноги, сунул в разваливающиеся тапочки и нехотя пошел к окну. Открыв половину окна, высунулся наружу. За окном была узкая улица с двумя рядами невысоких, подстриженных как эскимо на палочке, деревьев. Прошел быстрый весенний дождь, и в чистых еще лужах весело подрагивало солнце. Метрах в пятидесяти от дома собрались люди. Стояло несколько машин скорой помощи и полиции, образуя круг. В центре круга находился большой «Мерседес», как огромный черный жук, с распахнутыми дверями. «Кому-то не повезло», – подумал Степан. И был прав. Врачи склонились над человеком и быстро работали, мельтеша руками и медицинскими предметами.

От зрелища этой картины в груди у Куроедова вдруг поднялась волна страха. Кожа на руках покрылась пупырышками. Он прислушался к себе, пытаясь понять, что с ним сейчас происходит. Уши заложило как при спуске с горы. Со спины что – то зашипело. Он оглянулся и увидел то, что потом долго еще будет вспоминать с содроганием и ужасом. Посреди комнаты стояла бесплотная фигура большого человека. Наполненная как бы голубым инертным газом. Она переливалась слабым светом. Выделялись лишь человеческие глаза. Серые и смотрящие прямо на Куроедова жестко и внимательно. Он чуть не обделался. Степану стало плохо; ноги потяжелели и он застыл в ступоре; голова закружилась и затошнило. «Я тронулся? Да. Ну вот, дочитался Гегеля. Недаром жена говорит, что я шиза», – подумал он. И в это время, внутри себя, в центре головы услышал отчетливый начальственный голос:

– Здравствуй Степан Куроедов. Ты меня не знаешь, да думаю, и знать не захочешь. Одно прошу учесть сразу – я это не ты, раздвоенный. У тебя не раздвоение личности. Ты вполне нормальный, правда, зачуханный учитель. А я есть твое спасение и твой шанс на другую прекрасную жизнь. Меня зовут Дмитрий Сергеевич, вернее звали, черт бы их побрал! Меня только что подстрелили около твоего дома. И я уже мертв. Но не совсем. Заключил контракт с дьяволом или с кем там, не знаю. Расклад прост – меня опять отправили в наш мир и указали на тебя. Ты будешь носителем моей души. На сколько времени, я не знаю, но не надолго. Отказываться нельзя. Это твоя жизненная миссия и билет в другой роскошный мир.

Перейду к сути. Мы заключим договор. Ты сделаешь то, что я тебе скажу. А я сделаю тебя богатым и счастливым. Затем, оставлю тебя. И заживешь ты как король, нет, как Баффет. Не знаешь кто это? Стыдно. Это миллиардер миллиардеров. Гроза финансовых рынков, – Верещагин беззастенчиво врал, так как уже видел финал всей этой истории. Но сказать Семену о его будущем не мог, да и не хотел. Лишь в его серых глазах промелькнула дьявольская искра.

– Общаться будем просто. Ты будешь меня слышать, а иногда и видеть. Как? Потом скажу. Меня не сделали тобой полностью. Так что, нас будет двое. Возьмем все лучшее от тебя и меня. Хотя я весь хорош, а вот ты недотягиваешь до европейских стандартов. Иногда я буду тобой полностью, но ты об этом не будешь знать, твоя память просто отключится.

Куроедов все еще находился в прострации; он слышал голос, но не верил, что это говорят ему. Ноги застыли, стали бетонными, глаза округлились, и соображал он очень слабо.

– Тебе нужно время, что бы осознать происходящее и привыкнуть к твоей новой жизни. Вижу, тебя лучше пока оставить.

Куроедов замедленно опустился на узбекский пестрый ковер и мгновенно уснул.

***

Пока Степан спал, Дмитрий Сергеевич решил осмотреться и прояснить каким телом его наградили небеса. «Посмотрим. Куда это меня переселили? – сказал себе Верещагин, и осмотрелся в новом теле учителя. – Так, тело не больное, это главное. Зубы все на месте, нужно похвалить Степана за это внимание к зубам. Ровные ряды и почти голливудская улыбка. Вес около девяносто. Придется подсказать парню о том, что есть спорт, и что им нужно срочно заняться. Не занимается учитель спортом и это заметно. Мышцы слабоваты. Главное, руки ноги целы и в хорошей форме. Тут он уловил что, в мышечной памяти есть информация о том, что учитель все – таки занимался боксом в юности; достиг определенных высот – первый юношеский разряд; затем травмировался и бросил бокс. Но в студенческие годы занялся популярным карате – до. Опять же, хорошо развил мышцы и реакцию, но так и не стал мастером. Черного пояса не получил, как и остальных цветных поясов тоже. «Ну что ж? Мне вполне комфортно в этом теле. Но оно белое, как снег. Белизну нужно убрать. Завтра же отправлю Степана в салон с ультрафиолетом, путь «подкоптится». Еще нужно посмотреть медицинскую карту. А лучше найду аптечку. Аптечка была маленькой – немного обезболивающих, слабых антибиотиков и средств от простуды. «Здоровая семья. Даже странно, живут не богато и не болеют! Есть ли дети?».

Во второй комнате были разбросаны детские вещи, и стояла небольшая деревянная кровать. На компьютерном столе, около плоского монитора Samsung, стоит фотография мальчика лет десяти. Полные щеки и детский светлый взгляд. Сама наивность и доброта. Рыжеватый и нос в веснушках. Верещагин вспомнил своих детей. Что теперь с ними будет? Он представил, какая теперь закрутится карусель за наследство, и в какой переплет могут попасть его дети. И он погрузился в воспоминания о своей, уже ушедшей навсегда, жизни.

Глава 4

Ольга Владимировна Куроедова была женщиной властной и стервозной. В свои тридцать семь лет выглядела она довольно сносно, если учесть, что жила в не совсем комфортной среде и плохой экологии. Высокая, под метр восемьдесят, еще с хорошей фигурой, с длинными полными ногами и руками, она производила впечатление фотомодели в отставке. Подстриженные модным каре волосы носили родной рыжеватый оттенок. Кожа на лице была гладкой и почти без морщинок. Взгляд пристальный. Когда она глядела своими ироничными и колючими карими глазами, то люди чувствовали себя неуютно и сковано. «Это все от этой проклятой работы с цифрами и алгоритмами», – говорила Ольга мужу и родственникам. Муж соглашался, но думал что все-таки произошла ошибка на генном уровне и его жена получила не свойственную многим женщинам силу. Мягкость и сексуальность не были любимым оружием в женском арсенале Ольги Владимировны.

Работала она программистом в небольшой компании по производству контента для сотовых телефонов. Компания не процветала, и это сказывалось на доходах и характере Ольги. Как и все женщины с именем Ольга, она была не лучшим подарком своему мужу и окружающим. Есть в нашем мире зависимость человека от его имени. Как говориться «как корабль назовешь….».

Ольга росла единственным ребенком в семье отставного военного летчика. Свой неуживчивый характер проявила уже в школе. Потом университет. Училась в Новосибирском университете на факультете информационных технологий. Звезд с неба не хватала. На последнем курсе познакомилась с господином Куроедовым, который уже работал школьным учителем. Они сошлись как две противоположности. Своего жилья у них не было и после недолгих скитаний по общагам славного города Новосибирска, переехали в Алма – Ату к родителям Ольги.

Освоившись в новой для себя среде, она взялась за строительство своего светлого будущего. Начала с воспитания мужа (с дальним прицелом) для его, так сказать, выдвижения в высшие круги общества. Куроедов не особо сопротивлялся, и во всем потакал своей жене. Но в высшее общество так и не попал. Это было полное поражение, и Ольга стала относиться к Степану как к неудачнику и большому лентяю.

Когда у них родился сын Егор, то часть своей повышенной требовательности к мужу и родным, она перенесла и на ребенка. «Мой ребенок должен стать супергероем, бойцом, самым лучшим, самым – самым…», – внушала она себе. И для осуществления своего плана воспитывала сына в строгости, придерживаясь строгих правил дисциплины.

Поворачивая ключ в замке, Ольга подумала: «Что там мой бездельник делает? Наверное, на диване, с книжкой, вновь открывает Америку».

– Привет Ольга, – высунулся из двери напротив, сосед Кирюха.

– Здравствуй. Что не на работе? Пятница и не тринадцатое. Можно было бы и поработать.

– Не до работы. Видела, что твориться на улице? Блин поганый…. Бьют олигархов как мух. – Кирюха вышел на площадку. Он был в обвисшем синем трико, с небритыми обвисшими щеками и распространял двухдневный запах перегара.

– Не видела, – сказала она, поморщившись и открыла дверь, что бы быстрее закончить диалог с заросшим щетиной соседом.

– Да как же? За домом полно тачек с полицией и врачами. Шума на весь квартал, – сосед был говорлив и просто так не отставал от случайных слушателей, – где твой? Он точно слышал. Ваши окна выходят как раз на то место. Да и вроде кричал Степан. Или мне показалось. – Сосед перекрестился.

– Кто кричал, что несешь, – забеспокоилась Ольга.

Не снимая фиолетовых туфель, забыв закрыть дверь, она проскочила в комнату и ее взору открылась удивительная, а лучше сказать, необычная картина. То, что она увидела, поразило ее и не поддавалось какому – либо пониманию. В синеватой дымке (откуда возникла эта дымка, было не понятно), Ольга увидела лежащего на ковре мужа.

Лицо его неузнаваемое, как размытое, угадывались чьи – то чужие черты (в нем еще присутствовал Верещагин). Она испугалась. Но напряженно вглядевшись, увидела, что это ее родной муж. Подбежала к распростертому на ковре Степану и стала его трясти. Пару раз шлепнула ладонью по его бледным щекам. Он замычал, открыл покрасневшие глаза и сел.

– Что с тобой? Испугал до посинения! Разве можно так пугать… – на глазах Ольги навернулись слезы; потекла тушь. Она прижала голову Степана к своей пышной груди и заплакала.

– Да все в порядке, – успокаивал ее Степан, – думал смерть за мной приходила. В голове набат, весь Бах с его фугами и голосами. Прикинь, кто – то говорил со мной не моим голосом. Нагло залез в меня, в мою башку, и начал давать конкретные указания. Но, думаю, это наваждение и вчерашний алкоголь. Белочка, плиз?

– Пить меньше нужно, – сказала жена и вытерла длинной и мягкой ладонью, слезы со щек. Кольцо на пальце укололо ее щеку; она отняла руку от лица и вздохнула. – Горе ты, а не мужик. Нет, что бы с утра заняться любым нужным делом, ты слышишь голоса таких же бездельников, как и ты сам, – Ольга поджала светло накрашенные тонкие губы.

– Да ладно, все было всерьез страшно, – вон у меня до сих пор руки дрожат, да и ноги. Весь дергаюсь. Позвоню врачу, пусть Самуил Валерьевич проконсультирует, – вспомнил своего друга психолога Степан, – не бойся все прошло… – Может инсульт? Нужно вызвать неотложку… Да что вызывать, за окном их целый рой. Говорят, там убили олигарха (откуда я это знаю?).

– Сосед уже доложил. – Ольга скинула фиолетовые туфли, встала и медленно пошла в ванную комнату.

– А ты Степа так ничего и не понял? – опять заговорили в его голове. *– Я теперь в тебе, я тот самый убитый олигарх Верещагин, что лежит бездыханный у твоего дома.*

Степану опять стало плохо; по телу пробежал целый холодный муравейник. Тело покрылось рябью, но теперь, вытянув шею, он внимательно стал прислушиваться.

– Ты не веришь в переселение душ? В бессмертие не веришь? А еще литератор, учитель, так сказать, интеллектуальная мощь нашего депрессивного общества. Расскажу тебе, как я понимаю бессмертие. Во – первых, и это основное, – оно есть! Это мне здесь, наверху, сказали! Люди просто не могут понять что это, не испытав на себе.

Ни андронный коллайдер, ни квантовая физика не решили вопроса бессмертия. Это из духовной области. Человек может только гадать, но не знать о том, что такое бессмертие. Интересно так же, как выбирается оболочка для нашей души, когда мы входим в этот мир? Методом «тыка». Вот ткнули в тебя, Степа…. А потом разбирайся в хромосомах и меняй «запчасти», пока не разрушишься, до конца. Затем душа освобождается и ищет новую оболочку. А ты и не думал Степа, куда ты отправишься? – коротко хохотнул голос. *– Как ты знаешь, электрон появляется на другой орбите ниоткуда. Просто появляется, как будто нет расстояния между орбитами. Так и мы, появляемся просто ниоткуда. И уходим с тем же успехом.*

Ты задумайся, почувствуй кожей. Каждый чувствует, что в его душе есть нечто такое, что не сломает смерть. Это в глубине души. Как выяснилось из квантовой физики все мы, и все миры, связаны между собой на другом уровне, кроме времени и пространства. Вот это мы и ощущаем как бессмертие. Надеюсь, говорю понятно?

Перемены Степан неизбежны. Неужели тебя так страшит наша с тобой общая перемена? Меняем одну жизнь на другую. Как одежду. И это просто. Незачем страдать и бояться. И последнее, цель моей, и теперь твоей, жизни – сделать великое дело, которое переживет нас в веках (ну, в годах).

Пока читалась данная лекция о бессмертии, Куроедов вышел из состояния гроги – после «хука» справа, от непрошенного гостя. Он стал задавать вопросы:

– Так это просто переселение? Что теперь будет со мной и почему Я? В городе полно миллионеров, вселяйся в любого.

– Так решили там, наверху. Я ничего не могу изменить. Высшее существо указало прямо на тебя, простого учителя, так сказать бюджетника и бедолагу. Извини за такие оскорбительные зарисовки твоего положения, но от правды не уйдешь. Так вот, дадим тебе шанс стать богатым. Что ты с этим станешь делать, я не знаю. Но денег у тебя теперь будет «немерено» (по твоим представлениям). Я скажу, где их взять, так как, в это воскресенье ты летишь по моему заданию в Москву. А сегодня и завтра нас с тобой ждет серьезная программа.

Сегодня же, ты напишешь заявление на отпуск. Приведешь себя в порядок; моя молодая вдова любит только стильных людей, а тебе с ней скоро встречаться. Получишь от меня рекомендательное письмо (жена получила уже это письмо по электронной почте) и станешь учителем литературы для моих детей. Внедришься и разыграешь нашу с тобой шахматную партию. Сейчас поедешь в аэропорт и получишь мою сумку в камере хранения. Там все, что тебе нужно, как молодому шпиону, – засмеялся мертвый «олигарх».

Вошла Ольга, уже в коротком халате, с распущенными рыжими волосами, прямо фурия. – Ну как состояние, алкоголик, – пошутила жена. – Больше нет кошмаров?

– Да как сказать, – Куроедов задумчиво смотрел на жену и где – то на краю его сознания появилась крамольная мысль: «А это что за женская особь? Симпатичная, но в меру, таких сотни на улице. Моя жена? Да, так оно и есть», – в его взгляде и на губах промелькнула небольшая брезгливость. Ольга заметила это, удивленно посмотрела на мужа, но ничего не сказала. Решила, что тот еще не отошел от своих переживаний.

Зазвонил телефон. Степан взял трубку народного «Panasonic». Незнакомый мужик, голосом школьного инспектора, затянул:

– Алле, это квартира Куроедовых?

– Она самая.

– Мне бы Степана.

– Он у телефона, Что вы хотели?

– Привет Степаныч! Это Григорий Черный, твой одноклассник. Помнишь меня?

– Конечно помню…..

Разговор зашел о былом, о прошлых похождениях, а затем перешел ближе к дню сегодняшнему.

– Степаныч, я давно живу в Москве, у меня приличный бизнес в IT индустрии. Хочу здесь, у вас, открыть филиал своей компании, и мне нужны надежные парни с головой. Ты как раз и есть такой парень. Подъезжай, поговорим.

Он сказал адрес.

– Степа, ты не думай, что счастье свалилось тебе на голову просто так. Этот звонок организовал я. Как? Это мои тайны. Нужно, что бы у тебя появилась причина срочно лететь в Москву. Расскажи все жене, в красках, как литератор.

Ольга вслушивалась в разговор Степана. Она видела, как он удивился, затем сильно обрадовался и стал показывать ей сжатый кулак с поднятым большим пальцем с криво подстриженным широким ногтем. «Что это с ним сегодня? Никак день Степана! Нужно посмотреть гороскоп, может там есть объяснение», – подумала Ольга:

– Ты что такой счастливый? Выиграл в лотерею или получил наследство от своих бедных родственников?

– Начались сбываться сказки, – ответил Степан, – звонил бывший одноклассник Гриша Черный, сказал, что он большой бизнесмен в Москве и что желает взять меня на работу для своего алмаатинского филиала. Так что подруга, жизнь налаживается!

– Какой ты бизнесмен? – Засомневалась Ольга, – как только он с тобой поближе познакомится, так и накроется медным тазом весь твой бизнес.

– «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Я поехал на встречу, – он достал том Ницше и вытащил из его листов свою маленькую заначку….

Глава 5

– Эй, Семен! Ты что это удумал – ехать в аэропорт на автобусе? Бросай эти плебейские привычки, садись на «мотор». Выбери покруче; только не Жигуль.

Ольга смотрела из окна и видела, как ее муж поймал новую Тойоту. Она глазам своим не поверила: «Да, если и дальше так пойдет, то мы не сможем отправить сына в летний лагерь».

Куроедов развалился в чистой, свежей машине. Салон кое – где еще в полиэтилене. Запах нового авто просто потрясающий. Давненько он не позволял себе кататься на таких машинах. Хоть Степан и был водителем со стажем, но всю сознательную жизнь проездил на тройке Жигулях. Пару лет назад машина встала «на якорь» и пошла на металлолом.

Оставшись «безлошадным», он мечтал о новом «боевом коне», японского или немецкого производства. Таком, например, как это такси. В машине, из динамиков, ненавязчиво пел Он, английский, татуированный под самые брови король тяжелого металла. Ozzy Osbourne: «Life Won't Wait – Жизнь не станет ждать». Таксист одних лет с Семеном, подпевал и пристукивал ладонью по серому массивному рулю.

Every second you throw away,
Every minute of every day,
Don`t get caught in a memory,
`Cause life won`t wait for you,
No, life won`t wait for you, my friend.

Все секунды, которые ты упускаешь,
Все минуты каждого дня,
Не останутся в памяти,
Ведь жизнь не станет ждать тебя,
Нет, жизнь не станет ждать тебя, мой друг.

«Жизнь не станет ждать, это точно, – напел себе Куроедов. Музыка, водитель оптимист, новая пахнущая Тойота, скорость, весело пролетающие мимо весенние деревья и теплый день за окном, заставили его почувствовать себя в новом особом состоянии, состоянии смены его потертых жизненных декораций и наступления больших перемен. Руки Степана, от пальцев, до локтей, подернулись гусиной кожей. Он прищурился и заулыбался.

– Хватит наслаждаться. Пора и поработать, – голос возник неожиданно, и Семен вздрогнул. Водитель такси в зеркало посмотрел на него вопросительными черным глазами:

– Что – то не так, вам плохо?

– Нет, все нормально, – ответил Куроедов и улыбнулся, показав ровные зубы.

– Степан, – опять зазвучал голос*, – теперь я гуру в твоей новой жизни (буду учить учителя). Ха – ха! Тебе нужно хорошенько запоминать, что я буду говорить. О том, что тебе пригодиться, когда ты окажешься в Москве. Ехать в порт долго, так что я тебе расскажу немного о деньгах. Не о тех деньгах, что ты зарабатывал в гимназии и репетиторством, а о деньгах серьезных. Ты неожиданно перепрыгнул из мира постсоветской нищеты в мир больших денег и тебе нужно многое уяснить.*

Верещагин сказал спич:

– Если ты начинаешь бизнес, то значит, что ты входишь на территорию финансов. Теперь все будет зависеть от того, как ты установишь свои взаимоотношения с деньгами. Полюбят ли тебя деньги? И наоборот. Все любят деньги, но точно сказать, взаимная это любовь или нет, многие люди не могут. Но если ты открыл дело, то неумение общаться с деньгами станет для тебя самым роковым. Ведь весь бизнес, Степа, строится на деньгах, их обращении.

Тебе Степа, необходимо понять суть денег. Понять, как с ними работать. Деньги являются инструментом для ведения бизнеса, его «кровеносной» системой. Любая оплошность с деньгами, приведет к «тромбам» в этой системе и бизнес может получить «травму» не совместимую с жизнью! Как говорят японцы – «у денег нет ног, но они могут убежать».

Это все. На сегодня хватит. Запомни это – потом блеснешь!

Приехали в аэропорт.

Куроедов давно не летал и новое здание аэропорта его удивило. Приземистое, плоское и стеклянное. Растянутое, с длинной выпуклостью крыши посередине; напоминало шляпу Наполеона придавленную сверху, после московского похода. Посередине «шляпы» стеклянные раздвижные двери – рот для публики. Внутри здания заявка на поздний хай – тек; похоже, архитектор решил использовать прямые линии и формы. Потолок не закрыт и видны обнаженные нервы труб и конструкций. Везде – стекло, серебристый металл и пластик. Приглушенные, будто электронные голоса, иногда объявляли вылеты и прилеты рейсов самолетов.

Степан взял багаж Верещагина, зашел в туалет и раскрыл кожаную сумку. В сумке лежали деньги различных стран, паспорт и пластиковые банковские карточки (Platinum MasterCard и несколько карт Visa). «Ого! Да здесь тысяч… долларов».

Вдруг, его внимание привлекло зеркало, вернее то, что его поверхность начала менять свет и цвет. Он подошел к зеркалу и увидел не свое отражение, а неявное, чуть размытое лицо, как он сразу понял, того самого голоса. Мертвец смотрел на Степана и улыбался:

– Это я. Хорош?… Теперь слушай. В сумке деньги. Поедешь и купишь себе одежду; оденешься с ног до головы. Возьми дорожные сумки и принадлежности. После пойдешь в салон красоты «Камильфо», там есть вертикальный солярий. И чтобы через пару часов был как Джеймс Бонд, в лучшие годы!

****

Проводы не заняли много времени. Ольга была в полушоковом состоянии. Она смотрела на своего мужа и ничего не могла связать в одну понятную ей картину. Муж был в сером полосатом костюме, подстрижен и, что самое невероятное, со свежим загаром. Его бронзового цвета пальцы поднимали чашку с кофе, и Ольга заворожено следила, как тонкая чашка подносилась к загорелому лицу. На столе лежала пачка долларов. «Это на расходы… Друг Черный дал на мелкие расходы».

– Ну что? Карета подана мой друг, – Степан был в приподнятом настроении, – Пора попробовать на вкус приключения. Приеду, сразу позвоню.

– Смотри там, не лезь, куда не знаешь. Включи весь свой мозг, а если что, сразу звони; я уж тебя направлю на путь истинный.

– Да я уже влез в новый и суровый бизнес, – соврал Степан, – но увидев пачку денег, добавил, – однако риск того стоит.

– С каких пор муженек, ты стал такой рисковый?

– Сам не знаю, женушка.

Он взял кожаную дорожную сумку, кейс и пошел к двери.

– Посидим, на дорожку.

На улице была темень. Рейс «Трансаэро» в Москву был ранним.

Семен устроился в такси и задремал.

Он не любил летать на самолетах, воздушных шарах и дельтапланах. Не было жгучей аэрофобии, но в памяти отложилась пара случаев, когда он мог не вернуться к семье. Один связан с полетом на АН – 24. Еще студентом, он летел с Новосибирска в Барнаул и при посадке, самолет накренился на одно крыло. Пассажиры затихли в предчувствии ужасного конца. Но паники не было, так как самолет выпрямился и благополучно приземлился. Но засечка в памяти Степана осталась.

Другой раз, при посадке ТУ-134, самолет выехал за взлетную полосу. Хорошо были сугробы и маленькая скорость – это, как потом говорили, их и спасло. Но этот случай совсем подорвал веру Куроедова в чудеса летной техники.

В самолете ему досталось место у окна. Боинг 737. Хорошая машина с прекрасными летными характеристиками, прочитал Степан рекламный проспект «Трансаэро».

Еще в зоне вылета, он достал новенький (купил сегодня при экипировке) iPhone, настроился на интернет и узнал много хорошего о самолетах Боинг. Это его немного успокоило.

Приглушенный, как в вате, говор в салоне, нарушил вопрос идеально подстриженного мужчины лет тридцати пяти:

– Это место 12 В?

Степан кивнул.

Стриженный, закинул наверх сумку, приподнял крокодиловый темный кейс и сел рядом. «Хороший был крокодил, – подумалось Степану, – а может это китайский буйвол? Да нет, видно по костюму и часам (Girard Perregaux, как сказал стриженный), что мужик при деньгах. Наверное, живой олигарх», – Шутка ему самому понравилась (живой, в отличии от….) и он славно улыбнулся, выставляя свои белые зубы. Внимательно посмотрел на соседа. Это был молодой человек, со стройной, явно накаченной фигурой, роста выше среднего, с подстриженными и остро загнутыми, как хоккейная клюшка, к концам губ, светлыми бакенбардами. Стильные стекла очков, без хорошо видимой оправы, венчали небольшой узкий нос. Идеальный выпуклый лоб и обрамляющая его светлая прическа – бобрик. Улыбался доброжелательно, но за этой улыбкой и улыбающимися темными глазами, скрывалось сконцентрированное внимание и любопытство. Под глазами чуть темнело, вернее, сумеречно, что говорило о пагубных пристрастиях или ранней болезни. «Взгляд как рентген, – подумал Семен, – сейчас составит на меня досье и определит, к какой категории граждан я отношусь. Явно интеллектуал, – вон какой лбище!…».

Интеллектуал сел в кресло и представился, протянув узкую ладонь:

– Андрей Богданович Рогозин. Можно, Андрей. – От Андрея чуть пахло коньячком.

– Степан Куроедов. Так же… можно просто Степан, – он вдруг вспомнил, где видел соседа.

«Так, это же тот мужик, который был в баре аэропорта. Я сидел рядом и слышал, как и о чем он говорил по яркой сотке. Явно с девицей. Имя такое….Валерия. Х..м, одни Валерии в последнее время. Но говорил – то он о ее муже; что с ним все в порядке и что он уже согласен на быстрый развод. При этом нехорошо смеялся. Видать, любовник Валерии».

– Что Степан, летим в столицу мира? По делам или как?

– Сам до сих пор не верю; меня нашел школьный друг и предложил заняться бизнесом. Вот теперь лечу все уладить по этому делу. Плюс, пока все не прояснится, я буду учительствовать. Есть рекомендательное письмо в хорошую семью.

– Так вы… а давай, на ты… учитель?

– Давай! Да учитель старших классов по литературе и русскому языку.

– Учитель – это класс. У меня мать была учителем. Теперь на пенсии. Но я помню всю ее жизнь, – Андрей все также внимательно отслеживал реакции и мимику Степана.

«Наверное, это у него профессиональное? Может силовик? Надо спросить», – подумал Степан.

– Да знаешь, неожиданно повезло. Есть кого учить – пару оболтусов из богатой московской семьи. Папа олигарх, мама знаменитость из зомбо ящика. Оплата по высшему разряду, я таких денег еще не держал… даже в банке, – схохмил Степан, – есть жилье во флигеле, дают даже тачку и все остальное.

«Что то тут не так, – думал Андрей, – он говорит, но не верит в свой новый проект. Да и постоянно подносит пальцы к носу и трет его. Как – то он взволнован. Может, так действует новая обстановка и открывшиеся новые возможности? Меня помню, так же колбасило, когда стал помощником богатея и стал получать зарплату денежными пачками. Но многое говорит о его вранье, – ладно, посмотрю, что будет дальше». Это был профессиональный зуд и реакции исследовательского склада ума Андрея: «И еще, загар в это время года явно не учительский, одежда фирменная – сплошь бренды известных компаний»:

– А как зовут олигарха? Я ведь многих людей из московской элиты знаю, и со многими даже знаком.

– Степан не вздумай сказать мою фамилию. Мужик, который сидит с тобой рядом, мой помощник, теперь уже бывший. Он очень умен и вывернет тебя наизнанку своими вопросами. Это профессионал, аналитик. Держи ухо востро. Скажи фамилию Жуков. Я иногда знакомлюсь с людьми и не говорю свою настоящую фамилию. Для конспирации. Потом скажешь ему, а с ним придется встречаться еще не раз, скажешь, что был Жуков. Он поймет, – прозвучали в его голове слова Верещагина.

– Жуков Петр Вениаминович, – ответил Степан.

– Фамилия известная, но не слышал… Сейчас миллионеров в Москве, как собак недорезанных, – что – то грубое и злое пробежало по жестким губам Рогозина.

«Не любит наш друг миллионеров», – пронеслось в голове Степана.

Пристегните ремни. Наш самолет взлетает.

Ощущения при взлете подняли в Степане всю прежнюю, забытую им гамму чувств, которые он испытал при неудачных полетах. Опять стало страшно. В груди поднялась волна безнадежности. Руки стали неметь. Он непроизвольно вжимался в кресло. Ремень стал давить, мешая дыханию.

– Э, Степан, да ты плохо переносишь взлеты, – Андрей протянул серебряную фляжку, – выпей, полегчает…

Куроедов онемевшими пальцами перевернул флягу, и терпкая, схватывающая рот струя коньяка пролетела вниз по горлу. Коньяк был крепок. Быстро подействовал, и учитель стал выходить из ступора.

– Да, не быть тебе Степан десантником, – улыбался Андрей.

Самолет уже набрал скорость и высоту, включился полный свет, отстегнули ремни. Степану стало весело. Он отхлебнул еще немного коньяка. Самолет монотонно гудел, уши заложило, но он их, зажав нос, «продул», воздухом из щек. «Жить стало веселее», – опять вспомнил поговорку вождя всех народов. Меж кресел, по проходу стюардесса тянула тележку со снедью и газетами. Он взял газет. Раскрыв «Ведомости», и тут же увидел сообщение о том, что было покушение на бизнесмена Верещагина. Сосед тоже увидел заметку. Но он как – то странно и неприязненно, с противной ухмылкой, смотрел в газету, как раз в место сообщения:

«Неизвестные расстреляли в пятницу утром из пистолета с глушителем директора московской строительной компании «Реалстрой». Киллер расстреляли 42-летнего москвича у подъезда, где он снимал квартиру в г. Алма – Ате. Сделав выстрел, преступник бросил на месте убийства оружие и скрылся.

Имя убитого в интересах следствия не сообщается.

На месте преступления полицейские обнаружили пистолет с глушителем.

Следственный отдел РК возбудил дело. Так же, дело возбуждено следственным отделом московского СКП по части 2 статьи 105 УК РФ (убийство). Следователи обоих стран отрабатывают все версии совершенного преступления. По основной – преступление носит заказной характер и напрямую связано с предпринимательской деятельностью убитого».

«Полный бред, – подумал Андрей, – какая квартира? Ехал к молоденькой телке… Старый развратник!».

Куроедов дочитал сообщение:

– Странно устроена жизнь. Работаешь, двигаешься, достигаешь успеха и тут раз, приходит она, с косой. Вот человек стал миллионером, и его убили. За что?

– Вот как раз за это, что стал миллионером, – резюмировал Андрей, – в наших странах это преступление. И это как красная тряпка для тех, кто хочет жить богатым халявщиком. У бизнесменов, в отличие от народа, вообще другая жизнь. Они ж там, наверху бизнес Олимпа, живут как скорпионы в одной банке. Что не так – в расход. Это грустно, но это факт. Я насмотрелся многого такого дерьма. Можно сказать, недавно избежал расстрела, потому что не был со своим боссом в одной машине. Случай! Его величество случай! Заболел живот и я остался в отеле. А босса хлопнули. Вот такая история. И это происходит везде на просторах нашей необъятной родины.

– Да, печально, – Степан задумчиво смотрел на соседа прищуренными серыми глазами, – у него промелькнула мысль, – а не приготовили ли и из меня следующую жертву? Что – то все просто. За день стал обладателем больших денег (карточки Platinum MasterCard и Visa из сумки Верещагина). Вот это и настораживает; как говорится, бесплатный сыр хуже бензопилы, – родил афоризм Степан, – нужно все хорошенько разузнать и если будет опасно, то срочно лететь обратно.

Сосед допил коньяк из красивой фляжки, потянулся, вскинув руки, устроился удобнее в кресле и задремал.

Куроедову не спалось. Его мучили подозрения и дурные мысли; он вдруг ощутил всю бесперспективность и никчемность задуманного. Ему стало грустно, он вспомнил жену и ее сарказм. «Может она была права? Зачем я влез в это дело?»

– *Слушай друг,* – зазвучало в голове, – *хватит ныть. Ты Избранный (помнишь «Матрицу»). Тебя избрали на эту роль высшие силы. Сам бы я ни за что не влез в твою шкуру и мозги. Пора все исправлять. Теперь часть моих привычек перейдет в тебя и станет тобою управлять. Ты будешь частью меня. И я стану тебя замещать в разных сложных жизненных ситуациях – действовать сам, но в твоем теле.*

– Как это, – спросил Степан.

– Да просто; хотя раньше я этого и сам не знал. Все будут видеть тебя, но это буду уже я, а ты как бы заснешь. Завершив или решив дела насущные, я уйду наверх, так сказать на командный пункт, а ты опять станешь собой. Пока я буду действовать, ты не будешь наблюдателем; вся панорама сражения тебе будет не видна.

Сейчас проснется твой новый знакомый и мой помощник, мы и испробуем этот ход. Но обещаю, будет интересно. Представь себе, ты опять появляешься в себе… ха —ха… А рядом с тобой, в кровати, шикарная женщина. Это дар богов! Сейчас и начнем. Проверю твоего нового друга на вшивость.

– Не трогай друга. Он что плохого сделал?

– Твой новый друг Андрюша, редкостная дрянь. Это я знаю наверняка. Самолюбивый чрезмерно. Волк, в шкуре учителя… Ладно, смеюсь! В овечьей шкуре. Готов на все ради денег. Бросил семью и детей, поменял паспорт и смылся, для того, чтобы не платить алиментов. Наглый и хитрый как голодный лис. Беспринципный – «с..ы в глаза, божия роса!»… Сильно давить не буду, это еще впереди. У меня есть к нему много вопросов, причем, не очень для него приятных. Я еще сам не во всем разобрался, но сдается мне, что не случайно он летал со мной… Оставлю это на закуску, – захохотал Верещагин.

В самолете объявили перекус – спинки кресел поднять, столики развернуть. Сосед спал. Степан толкнул его в упругий бок. Тот вздрогнул и открыл глаза.

– Не помешает выпить рассола. Дорогой коньяк плохо действует на мою печень, – он сладко потянулся, хрустнул суставами пальцев рук и пошел умыться в хвост самолета.

***

Верещагин глянул на свою ладонь, нехорошо улыбнулся и посмотрел вокруг. Он любил летать. Это была наработанная годами перелетов привычка. Правда, он давно не летал «общественным» транспортом – самолетами разных компаний; летал только на своем личном самолете. «Хорошо опять быть в теле, хоть и чужом. О, Степан, да ты пил, теперь сушит во рту, – девушка, минералки принесите, – он осмотрелся. Люди уже позавтракали и занялись своими делами: кто спал, кто читал, а кто прохаживался, разминая ноги.

– Ну что Степан, скоро прилетаем?

– А что ты так радуешься, – сказал с сарказмом Верещагин, – опять поденщина, труд беспросветный на босса и его семью, зарплата, зависть к чужому успеху, мысли о том, чтобы трахнуть хозяйку и развивающийся во времени депресняк. – Дмитрий Сергеевич закинул острый крючок. – Это я о нас, о наемных работниках. Что впереди – не ясно, а то, что сзади, не радует. – Он старался уколоть Андрея в его самое уязвимое место, в его непомерное самолюбие и его систему мыслей о том, что он выше всех этих миллионеров, вместе взятых.

Андрей не верил своим ушам. Неуклюжий учитель, не отошедший от страха перелета, вдруг ожил и стал наглеть. Он сильно удивился короткому монологу Степана. Это был выпад в его сторону, и была явно высказана мысль, что он является рабом на чужой фазенде. Он поправил очки и сказал:

– Вы уж сильно передергиваете господин учитель. Не зная броду, не вступай в воду. Ведь ты и понятия не имеешь, как живется в мире элит. Там свои законы и свои правила. Ты их не знаешь и я тебе, к слову сказать, уже не завидую. Скоро ты почувствуешь на своей шкуре, каково это быть все время на побегушках, – сказал помощник и стал очень пристально разглядывать учителя.

Он чувствовал, что учитель высказал не свойственные его воспитанию и характеру мысли. «Похоже на наезд, – подумал он. – Нужно быть осторожнее, я ведь не знаю, что это за перец. Может подставной казачок. Я потерял бдительность и расслабился после ЭТОГО, да еще алкоголь. А думать об этом теперь необходимо все время, в связи с последними событиями». Ему стало вдруг жарко. Он встал и ушел.

Верещагин весело прищурил глаза и сказал «Бинго! Я зацепил его, и он вдруг испугался, что наговорил лишнего незнакомцу. Наверняка испугался. Так… не перегибать, а то Степану сотворю врага своими руками».

Когда вернулся Андрей, Верещагин притворился, что спит. Сосед сел, хрустнул пальцами и погрузился в чтение книги (что – то английское). Через минуту он опять уставился на Степана, задумавшись о чем – то.

– Эй, Степа, пора очнуться. Я тут порезвился над своим помощником. Сделал несколько нехороших предположений и утверждений. Как бы, не про него лично, а про всех вас, наемных работников. Жаль нельзя влезть и в его голову, а то, я думаю, что уже получил бы ответы на свои вопросы и подозрения.

Степан открыл глаза. Самолет монотонно гудел, иногда вздрагивал и слегка качался и проваливался. К горлу подкатило. Ох, как не любил он эти перелеты. Но даже все эти маневры самолета не отвлекли его от осознания того, что за ним наблюдает хищный зверь, его сосед. Удивленно вскинув брови, он повернулся к Андрею.

– Ну как спалось?

– Да ничего, правда кошмары мучили; снилась моя новая работа. Дома, машины, дети… В общем, белиберда… Подлетаем, – Степану было весело, он практически знал, какая эмоциональная буря проходит в голове соседа.

Уважаемые пассажиры…..

Самолет стал приземляться. Он мягко падал, разворачивался, кренился на один или другой бок и гудел двигателями. Степан смотрел в окно и все хотел рассмотреть землю. Вокруг были черные и серые сплошные облака. Верхнее, утреннее, яркое, во все небо солнце, осталось выше. Самолет пробирался, мягко, как кошка, сквозь плоть туч и облаков. Вдруг облака как серая пена полетели в разные стороны и перед Степаном, внизу, открылась земля, пролески, дома… Боинг нехотя, медленно заходил на посадку. Заложило уши.

Приземлились удачно. Все страхи Степана развеялись, и его настроение стало меняться в лучшую сторону. Да еще голос Верещагина сообщил приятную новость о том, что для него придумана небольшая туристическая развлекательная программа, что бы он успел «въехать» в ситуацию и хоть немного пропитаться светской жизнью:

– Пора Степан включаться в процесс. Наша программа такова. Сейчас найдешь на первом этаже Домодедова VIP – зал и переждешь там пару часов. Затем поедешь Аэроэкспрессом до Павелецкой. Пересядешь в метро до Тверской. Найдешь кабак «Твербуль», пообедаешь и посмотришь на местный люд. Ближе к вечеру позвонишь моей жене Валерии и представишься новым учителем для детей. Она уже в курсе. Договоритесь о месте встречи – скорее всего, это будет в городе, в Армянском переулке. Там у нас есть квартирка, – инструктировал Верещагин.

Пока Степан впитывал инструкции, сосед все время с интересом его рассматривал. Он видел, что учитель будто слушает музыку в наушниках; но наушников не было. «Что происходит? – задавал себе вопрос Андрей, – может он не в своем уме? Скорее, чувак в трансе после перелета. Боялся уж слишком». Он похлопал Степана по плечу, попрощался и пошел к выходу, не предполагая, что эта встреча была для него самой важной и предопределяющей его дальнейшую судьбу.

***

Семен давно не летал в Москву. Последний раз был в столице в начале девяностых годов на конференции для учителей новаторов. Помнил аэропорт «Домодедово» еще старым и неказистым. То, что он увидел сейчас, его поразило, особенно в сравнении с аэропортом его родного города.

Современный порт – муравейник. Много света, объемного пространства, металла, стекла и пластика. Дизайн и стиль хай – тек. Людей полные залы; часть людей двигается, часть ждет регистрации. Тележки, чемоданы, сумки; мамаши с детьми и народ со всей Средней Азии. Постоянный гул восточного базара, отдельные близкие разговоры и неземные металлические объявления дикторов аэропорта. На втором этаже спокойнее. Степан подошел к высокому окну и посмотрел на прибывшие самолеты и бетонированные полосы. Солнце уже встало и нечасто проглядывая сквозь фиолетово черные тучи, отражалось в лужах и на крыльях самолетов. Несколько самолетов медленно катились в разных направлениях; одни на взлет, другие к зданию аэропорта. Сюрреалистическая картина, наполненная светом и пространством как у Сальвадора Дали. Он вспомнил его картину «Сюрреалистическая композиция», 1928 года, где, как будто по взлетной полосе, в утреннее небо, взлетали и приземлялись трансформеры – части самолетов и людей. Он улыбнулся такому сравнению. Его мысли как бы приобрели и глубину и ширину. Он почувствовал не провинциальную жизнь и ее свежее воздействие на его чувства. Полюбовавшись еще на ежеминутно меняющиеся близкие и дальние романтические пейзажи, Степан решил посетить местные рестораны и перекусить, благо вопрос о деньгах был снят с повестки дня. Это воодушевляло его и он уже не чувствовал, что оторван от остальных людей в этом аэропорту, и от нового для себя мира.

Для начала, решил отведать русской кухни – зашел в трактир «Елки-Палки Экспресс». «Как в срубе (он вспомнил свою учебу в Сибири и архитектуру ее деревень), подумал он, – даже печь на месте. Степан взял говяжий холодец с хреном и бабушкины котлетки.

Для него, вдруг, самым важным стало чувство вседозволенности, то, что он может сделать все, что ему вздумается, что он при деньгах и люди, его окружающие за соседними столами не выше его. Это новое чувство пьянило Семена. Он расплатился VIP карточкой. На него посмотрели с уважением и значимостью – супер клиент.

Он решил продлить это состояние и зашел бар-ресторан итальянской кухни «BENVENUTI». Ресторан в два этажа. Вальяжно развалился на диване и почувствовав прилив необычного нахальства, заказал итальянские блюда – карпаччо рыбное и фирменную пасту карбонара. Из напитков – односолодовое виски. Заказ сделал наобум, просто так, как это делают люди из провинции, решившие, что они уже дорого стоят и могут пренебрежительно смотреть на все, свысока. Хлебнув виски Куроедов скривил губы в благостной улыбке и закурил.

Попробовав то, что заказал, он все бросил, встал и пошел в VIP – зону аэропорта. Высокий и тяжелый охранник с лицом без эмоций, прощупал его взглядом, сверил что – то в бумагах и сказал, что можно пройти в зал. Но Степану не понравился охранник и его явное к нему пренебрежение. Он решил не следовать инструкциям Верещагина, не сидеть в VIP-зале, а сразу поехать в город, походить по центру и осмотреться. «И в „Твербуль“ загляну, но позже», – решил Степан. Он вспомнил, что на втором этаже видел православную часовню Архангела Михаила; пошел туда и неумело помолился за то, что бы все у него прошло удачно.

***

Поезд Аэроэкспресса был вовремя. Куроедов взял билет в бизнес вагон, что бы еще раз подчеркнуть окружающим и, особенно себе (он был в сладком тумане новой для него жизни), что он крут. Расположился в мягком кресле, взял минералку и открыл газету.

– *Ну что Степа,* – появился голос, – *как тебе приключения? Не надоело еще?*

– Да нет, с чего мне надоест? Хоть почувствовал себя человеком. Такого со мной еще не происходило. Это напоминает мне два состояния – сначала жил на берегу, а теперь бросился со скалы в море и плыву.

– Плыви… плыви.. Лишь бы не утонул!… Шучу Степа. Но что бы ты действительно проплыл дистанцию и удачно выбрался на берег, я тебе буду помогать. Пока ты едешь в поезде, я тебе расскажу о некоторых вещах. Тебе их нужно усвоить. Вбить в память. Загрузить в мемори, так сказать. Со скорпионами жить, по скорпионьи ходить! И это уже не шутка…. Ладно, приготовься к «ликбезу. Тебе нужна идеология. Не учительская и человеческая, а человека из элиты».

Степан, как примерный ученик из его гимназии (тут он вспомнил гимназию и своих учеников), закрыл глаза и превратился весь во внимание. Однако, у него в голове промелькнула мысль: «А чего это он меня все время учит?».

– Так вот Степан, ты многого не знаешь о деньгах и богатстве; Бог тебя миловал. Но теперь кое – что необходимо понять и этим руководствоваться. Стать на время артистом. Знаешь систему Станиславского? Нет? Хорошо. Так вот Степа, деньги и совесть не совместимы между собой. Потому что, богатые бедных не разумеют и считают себя небожителями; они спускаются на землю только тогда, когда их богатству что – то угрожает. Тебе твои философские книги говорили о самосовершенствовании; у богатых, Степан, самосовершенствование происходит на гольф полях, кортах и в клубах…

Жадность у них прогрессирует быстро, как инсульт. Нужно отметить, что неправедно нажитые деньги открывают ящик Пандоры в человеке. Со временем, человек меняется кардинально (посмотри на себя внимательно, ты уже заражен бактериями вседозволенности, источник которых спрятан в деньгах). Это как, чем дальше в лес – тем больше хочется. Постепенно души богатеев желтеют от золота и все их пороки, вылезают как тараканы из всех щелей. Скупость жжет! Отсюда возникает вопрос – можно ли стать богатым честно? Ответ – в нашей стране это сделать сложно. Тебе придется столкнуться со спесью, наглостью и вседозволенностью, так называемой элиты. И это будут еще цветочки. За свою делянку они пойдут на многое, даже на преступления. Посмотри на меня, бывшего, – захохотал Верещагин, *– думаешь, меня подстрелили просто так. Нет. Все кем – то хитро спланировано и исполнено очень профессионально….*

Куроедов открыл глаза. За окном все быстро двигалось, по кругу, ближние деревья и постройки летели вправо, за спину, дальние поля и лески влево. Поезд летел с большой скоростью. За окном совсем распогодилось; солнце было ярким; зелень блестела и искрилась дождевой влагой. Степан улыбнулся.

Он осмотрелся. Рядом в кресле сидела женщина лет тридцати, с распущенными волосами, шатенка. Одета модно, как подумал Степан (в силу своих знаний о женской моде). Дело-

вой костюм соседки скрывал длинные ноги в серых чулках. От нее тянуло свежестью и приятными духами. «Наверное, бизнес леди или… – Степан не мог быстро определить социальную принадлежность дамы, еще не было навыка. Женщина заметила интерес Степана и повернула к нему голову:

– Молодой человек. Нельзя вот так неприкрыто заинтересовано смотреть на женщин. Это не цирк. Могу ведь возмутиться и нагрубить.

– Извините. И не думал вас рассматривать под микроскопом. Просто я удивлен и поражен. Вы сильно похожи на Гала, женщину легенду, жену Сальвадора Дали (недавно он рассказывал своим ученикам о творчестве Дали).

– Степа, а ты просто бабник. Вот еще одно качество, которое нас объединяет. Умеешь подъехать к женскому полу и его удивить. Хороший комплимент!…Странно, как ты жил со своей женой столько лет.

– Спасибо! Не думала, что меня можно удивить комплиментом. Да еще в поезде. Меня зовут Эльвира.

– Степан.

– Вы кто и куда направляетесь?

Куроедову показалось, что наступает его звездный миг. Он уже представлял себе, как раздевает новую знакомую, и… Мечты развеялись, нужно было что – то соврать. Хотя, в свете нового своего положения, он уже стал привыкать к мысли о себе, как миллионере и значительной личности. Как знаток литературы он быстро вообразил себя положительным литературным героем.

Эльвира смотрела на Степана и видела, как тот приподнял голову и подбородок, сощурил немного глаза и значительным тоном ответил: «Из миллионеров мы. – Еду по делам в Москву. Нужно решить пару вопросов по нефти и газу, – что я несу, промелькнуло у него в голове, – ну а поездом, так это рекомендации службы безопасности, – а, все равно ни черта не поймет, – подумал Степан и спросил:

– А вы куда, и зачем, если это не секрет.

– Из командировки. Работаю в IT компании. «Он мало похож на миллионера. Хотя среди них лохов пруд пруди. Нужно познакомиться. Может, удастся раскрутить мальчика?». – Скоро приедем. Давайте, я вам оставлю визитку, – она ласково смотрела на Семена, чуть улыбаясь красными губами, в виде нарисованной красной чайки.

– Так Степа! Можно констатировать, что ты уже входишь в образ. Получается, ты любитель девушек и врун. Это хорошо. Теперь скорректирую план. Будешь клеить мою бывшую жену. Изобразишь из себя влюбленного юношу. Для нее, это станет экзотикой… Подъезжаем. Походи по Москве, пообедай в ресторане и на встречу.

Семен попрощался с Гала. Ее встречал какой – то господин, с длинными усами, черной шевелюрой и с кольцом в ухе.

Как уже говорилось, в Москве Куроедов не был с начала девяностых. И то, что он увидел сегодня, для него стало полной неожиданностью. Грязное метро прошлых лет зарождения капитализма, превратилось в игрушку. И светло и чисто. Он с удовольствием потолкался в потоках граждан, посидел на лавках перед путями и поездил со станции на станцию.

Поток людской его завораживал, он чувствовал себя единым с толпой. «Все – таки мы стадные животные, – подумал Степан, давая оценку своим новым ощущениям. Там, откуда он приехал, не было такого ощущения быстроты и полноты жизни, которое вам дает большой город. Он почувствовал его громаду. И этот город был для него другой планетой.

Он вышел из утробы метро на улицу. День был светел и чист. Майское небо синело, и было чуть подернуто белесыми, во все небо, полосами. Автомобили всех марок мира плотно двигались по глубоким улицам (дома без просветов тянулись вверх); потоки пешеходов как реки плыли во всех направлениях. Все это смешивалось и представляло грандиозную картину всеобщего движения. Мириады звуков сливались в один великий гул.

«Вот это город, – удивлялся Куроедов, – все, что я раньше видел просто детские забавы. Он похож на большой каменный вулкан, наполненный кипящим составом из звуков, сигналов, шума, цвета и света». Степан был поражен.

Мысли путались. Он понял, что Москва искажает его мысли, рассеивает сознание и все время давит своим величием. Этот город как черная дыра, которая высасывает сознание и делает человека маленьким и никчемным. Тут все поставлено на простую игру – или ты или город. Чей характер сильнее. Многие приезжают сюда как во времена золотой лихорадки на Аляске. Жаль, что везет только единицам. «Москва есть Третий Рим!». И она воплощение божественного замысла, в отличие от Петербурга (в Питере Степан был пару раз). Там все замешано на строгом планировании – великий Петр все задумал и привел план в исполнение. Москва же, чудо на семи холмах, не была произведением человеческого разума и воли. Так думал Куроедов, вспоминая все, что когда – либо читал о Москве.

Степа вышел на Пушкинской. Пошел к площади. Но на площадь не попал, на ней проходил митинг. Кто митингует, спросил его гражданин с седой бородой и плохими зубами. Не знаю, ответил Степан. Да это оппозиция, говорили зеваки. Вон смотри, собралась пара убогих и не слышно о чем говорят. Степан смотрел на всю площадь, в конце которой возвышался кинотеатр. На длинных ступеньках стояла человек сто. Возвышалась голова говорившего. Вокруг площади стояли металлические ограждения, полиция и несколько полицейских машин. У фонтана украшающего площадь скопились полицейские. Все это напоминало сюрреалистическую картину: столбы с белыми розетками фонарей, зелень деревьев, блестевший на солнце фонтан, задумчивый Пушкин, движение машин, полиции и людей, высокое небо и знак NOKIA под самым небом. «Да, – восторг охватил Степана, – вот это жизнь! И зачем мне возвращаться?

Он постоял еще полчаса, пока митингующие не стали расходиться.

– Видишь Степа, – появился голос Верещагина, – в какую интересную жизнь я тебя отправил? Эта новая часть твоей жизни в корне отличается от прошлой. Что было там – обыденщина и поденщина. Серое существование безденежного учителя литературы… Да, метаморфозы жизни… Не угробили бы меня, ты не поменял бы свою жизнь на более насыщенную и динамичную. Не знаю, что там решают на небесах, но если все что происходит с нами это не единичный случай, то стоит только удивляться замыслу Его.

– Мне уже это все нравится! – ответил учитель, – думаю, что обратно домой я попаду не скоро.

Степан пошел на Тверской бульвар, мимо МХАТа, нашел ресторан «Твербуль». «Модная штучка, – мелькнуло в голове». Было время ланча. Осмотревшись в зале, он увидел еще несколько гостей. Показалось, что кого – то из них он видел по телевизору. Он понял, что не зря его сюда отправил Верещагин. Здесь средоточие нового московского бомонда. Интерьер располагал к нирване. Старые кирпичные стены с горящими лампами, как глаза дракона, портрет царицы в круге, мягкие диваны с полосатыми подушками; темный пол и стол, деревянные перекрытия, стекло и старинные канделябры. Все это, как уже не в первый раз, сильно подействовало на Степана и опять направило его мысли на обдумывание его нового положения и на то, что он теперь владеет все этим, и что он теперь новый покоритель московских просторов. Он понял, что становится другим. И становится другим уж слишком быстро.

«Похоже на курс молодого бойца, – подумалось ему, – меня специально проводят по „медным трубам“. Правда, славы я еще не заслужил. А вот огонь и вода меня ждут точно! Тут нет даже никаких сомнений». Он осмотрел кухню ресторана, которая была посреди большого зала, развалился на мягком диване и заказал себе «стейк рибай» (понравилось название). Официант, мужчина лет тридцати, с ироничной улыбкой и спрятанным пренебрежением, как и у всех официантов, независимо где они – в Нью —Йорке, или Москве, принял заказ и ушел неторопливой походкой.

Глава 6

Покушав в ресторане, он стал звонить Валерии. Дело в первую очередь!

Трубку никто не брал. Он звонил еще несколько раз, пока не раздался довольно приятный и внутренне ласковый голос молодой женщины.

– Меня зовут Степан Куроедов. Ваш муж принял меня на работу учителем литературы для ваших детей. У меня письмо от него. Он сказал, что вы уже в курсе.

Трубка молчала…

– А вы знаете, Степан Куроедов что произошло самое ужасное, что могло произойти?

– Нет, не знаю.

– Степан, – зазвучал голос, *– давай проясним диспозицию. Валерия уже все знает. На следующей неделе в Москву привезут меня в новом деревянном наряде. Будет неразбериха и суета. Похороны дело неприятное. Так что, ты давай, сегодня все реши со своим трудоустройством.*

***

Было раннее утро. Валерия Владимировна проснулась как всегда в радостном состоянии духа. Шелк постели был приятен, как и молодое развитое фитнесом и йогой тело. Она была еще между сном и явью. Потянувшись, она поднялась, накинула яркий халат и пошла умываться. Загородный дом Валерии был автоматизирован по последнему слову. Умный дом как сейчас говорят. Можно было голосом или пультом управлять многими функциями своего дома – включать свет, приборы, технику, электронику. Дом управлялся и на расстоянии. Валерия могла со своего iPad или iPhone управлять домом из Москвы – прогревать его, включать кухню и готовить пищу к приезду гостей; приказать сделать уборку дома; следить за всей территорией и сообщать о том, что делается как в доме, так и вне его. Правда это все могла сделать и прислуга. Но современные веяния не оставляли выбора – дом должен быть автоматизирован как можно круче.

Муж Валерии, бизнесмен строитель Верещагин строил и оборудовал дома такого типа. Дома для богатых, которые строились, в основном, в Успенско Рублевском «заповеднике» и элитных местах Москвы.

Дом Верещагина находился в коттеджном поселке Жуковка – 3. Даже не дом, что за старое определение, это был роскошный особняк двух тысяч метров площадью, построенный по супер проекту. Шедевр архитектуры.

Валерия стукнула длинным пальцем по сенсорной панели и в ванной завертелась световое представление – одни лампы загорелись сильнее, другие притухли, зажглась разнообразная подсветка предметов ванны. На плазменной панели появилась картинка свежего весеннего утра, а сверху, с потолка, зазвучала расслабляющая музыка из колонок Sonance.

Она подошла к зеркалу и внимательно всмотрелась в отражение. Не заспана, кожа свежая и упругая; блестящие от внутренней энергии, чуть на выкате, карие глаза; большие губы и ровные ряды глянцевых сахарных зубов. Непроизвольная самодовольная улыбка слегка растянула красные губы. «Да, не плоха, даже поутру, после бурной ночи в тусне, – сказала себе Валерия, – пока молода и красива, но нужно завязывать с бурной жизнью по ночам. Завязывать с нарядной такой жизнью. Хоть и не пью, но все равно уже действует, не девочка ужо!… Хотя, какие мои годы… тридцатка это еще не конец. Плохо лишь, что долбанный кризис возраста застал как всегда врасплох, но не долго длился и вроде отпустил – пора опять в бой. Я ведь гуру для граждан моей страны. Во загнула!… Пора на землю спуститься».

Она выдавила пасту на зубную щетку. Посмотрела на себя в зеркало: «А ведь хороша, стерва! Продолжу осмотр».

Отошла от огромного зеркала и скинула халат. Перед ней открылось изумительное тело с мягким загаром. Длинные ноги и руки, без жира и складок, с отличными подтянутыми по – бразильски бедрами. «Да, девушка что надо! То – то мужики теряют разум при встречах». Валерия еще минуту полюбовалась собой. Она была действительно хорошо сложена, высоко роста; все как у фотомоделей, хотя она их терпеть не могла. Такое тело просто так не сделаешь – его нужно все время поддерживать в рабочем состоянии. Издеваться над ним. И Валерия активно занималась спортом, йогой и была вегетарианкой.

Оживившись после сна, она пошла в цокольный этаж, в спорт зал. Зал был оборудован как в лучших тренажерных центрах. Поработав на тренажерах, приняв асаны йоги и ополоснувшись в душе, она в веселом настроении отправилась пить кофе.

Зазвонила сотка. Валерия подумала, что рано для звонков; она не разрешала звонить ей по работе до восьми утра.

– Да, здравствуйте….

Она не говорила, а слушала, и по мере этого, лицо ее приняло довольно жесткое выражение. Губы поджались, глаза сузились и стали холоднее, чем обычно. Ей сообщили, что на ее мужа было совершено покушение и что он убит. Глядя на нее, нельзя было сказать, что она приняла это известие с большим горем. Слез и истерики не было. Бросив сотку, она села в мягкое кресло: «Ну вот и дождалась хорошего известия, – думала она, – хоть и ждала все время такой вести, но уж очень неожиданно. Да и следователь сказал, что убили еще вчера, но ее не могли найти. Так алиби…, да что я говорю? Какое алиби, он же был в другой стране. А я отрывалась в клубе. Ладно, дождусь Андрея, а там посмотрим». Она потянулась и улыбнулась. «Свобода! Сколько ждала этого, – говорила она себе, – зависимость лопнула! Теперь что хочу, то и ворочу! Так…. нужно срочно разобраться с наследством…. Где завещание? Мы сделаем свой вариант, но где – то есть оригинал!…Сегодня эфир, отменить…, все поймут. Убитая горем жена и так далее… Запишем потом… Позвонить…». Она стала звонить на телевидение.

Валерия Владимировна Богатырева работала на телевидении. Была ведущей нескольких реалити-шоу и была востребована и любима телезрителями.

Решив свои дела с работой, Валерия пошла в кабинет мужа. Кабинет, как и весь дом, был напичкан электроникой. Многие двери и стенки были закодированы, и открыть их мог только муж. Но она уже знала коды – после долгой и нервной слежки за мужем. Открыв поочередно все полки и сейфы, но завещания не нашла. Было немного документов, денег, драгоценностей (интересно для кого?), но того, что она искала, не было. Главный документ в ее жизни. «Где еще оно может быть? Так, срочно нужно мотать в Москву, смотреть в квартирах». У них были две квартиры. Одна в армянском переулке; это, была квартира – кабинет Валерии. Там она принимала своих друзей, свой «кружок Валерии» и работала. Другая, пентхауз, была в элитном доме в Гранатном переулке. «Вряд ли у меня, скорее там». Мысли ее путались, она вдруг растерялась, прикусила нижнюю губу села на кровать и задумалась. «Пора собраться. Ну ко, быстро взяла себя в руки и подумала, где может быть это завещание? Ведь я изучила его натуру и должна вычислить, где бумага!.. Сегодня придут адвокаты? Нет… Ну их, откажусь, не могу – я ведь убитая горем молодая вдова, – она усмехнулась, – Не знала, что это доставит столько хлопот. Искать – то раньше было нельзя. Охрана заподозрит, да и муж был не дурак. Как он говорил: „Высоко сижу, далеко гляжу“. Черт бы их всех побрал!»

– Валерия Владимировна, – постучалась экономка.

– Заходи Света.

– Звонят беспрестанно, все провода оборвали.

– Не бери трубку. Слушай Света, тут у нас… горе, – глаза Валерии увлажнились, ей вдруг на самом деле стало жалко мужа, – с Дмитрием Сергеевичем случилось несчастье… Его нет!.

Экономка, женщина сорока с лишним лет, смотрела на Валерию, ничего не понимая. Ее широкое простое лицо и открытые маленькие серые глаза застыли маской. Затем губы часто задрожали, потекли слезы с тушью (Валерия приказывала краситься) и она запричитала.

– Перестань… Я сказала, перестань, – она зло одернула экономку, – сегодня все прояснится. Я скажу что делать. А теперь собери всех, я поговорю.

Собрался весь персонал огромного дома. Экономка, горничная, повар, садовник и два охранника.

– Я собрала вас …Для того что бы сказать… С Дмитрием Сергеевичем произошел несчастный случай.

Все заволновались, стали недоуменно переглядываться.

– Что такое, – шмыгнув длинным носом, спросил старший охранник Виктор, – что произошло?

– Дмитрия Сергеевича больше нет с нами, – Валерия заплакала… – «Весь Станиславский», – мелькнуло у нее.

Все засуетились. Экономка и горничная запричитали. Мужики играли желваками. Никто не знал, что им делать.

– Я подумаю и вам скажу, что делать. А дел много. Свободны.

Глава 7

Валерия поехала в город. Лексус урчал как мартовский кот или рычал мотором тигром при наборе скорости. Но пробки не давали разогнаться. Дороги представляли собой медленные потоки машин. Это сильно злило Валерию. Когда надо, все идет не так или когда что-то должно было случиться, то это случается. Она стояла в пробках и думала о том, как быть дальше. Если притвориться, а это нужно сделать обязательно, безутешною вдовой, то это одна линия поведения, если действовать, то другой. «Я могу и то и другое. Буду действующей вдовой… Ха – ха!» – она засмеялась.

Приехав в армянский переулок, домой, она начала искать документы. Квартира была пятикомнатной, в доме старой постройки, переделанной из коммуналки в девяностых годах. Долго искать не пришлось, был всего один сейф, но в нем завещания не было. Она рассеянно походила по комнатам и села на кожаный диван. «Ничего нет и здесь.. Где? Черт, может он не писал бумагу? Да, нет же, сам говорил, что завещание готово, на всякий несчастный случай, и невесело улыбался, как будто случай был за углом. Главное сосредоточиться. Так первое, сейчас в пентхаус, там все перерыть, второе, дождаться Андрея…..». Она вспомнила своего Андрея. Помощника ее мужа. Ласковая улыбка раздвинула ее накрашенные красным, губы. Она представила его почему – то раздетым. Закрыв глаза, она почувствовала желание; у нее всегда та было – при напряжении и опасности ей хотелось секса. «Наверно гормоны гуляют», – говорила она. Почувствовав томление внизу живота, она растянулась на диване. Небольшая грудь налилась, как она говорила «мои персики», стала твердой. Андрей был ее первым любовником, который мог возбуждать ее даже в воображении.

Полежав и успокоившись, она поехала в Гранатный переулок, где у нее был пентхаус. Эту квартиру они с мужем купили недавно. Пентхаус располагался на последнем этаже нового роскошного дома, класса De luxe. Дом был высокого статуса в посольском районе, в районе проживания городской знати.

Валерия проехала по Спиридоновке к дому…

В квартире были повар и няня Тамара Петровна. Она сообщила им плохую новость и сказала, что они свободны сегодня. Повар, толстый и седой дядька с двойным подбородком прослезился. Он работал у Дмитрия Сергеевича с конца прошлого века. Петровне стало плохо с сердцем. Она опустилась на стул и запричитала. Валерия дала ей лекарство. Отправила повара, и сказала, что вызовет его, как только все прояснится. Няня должна остаться, так как скоро вернутся дети из Швейцарии. Валерия попросила не говорить детям о случившемся. Вышла на террасу. Было тепло и солнечно. Облака быстро скользили над Москвой, тянув за собой, по улицам и домам, свои тени. Грандиозный вид города и солнечная погода успокоили Валерию. Она села в кресло и задумалась: «Где же завещание? – взяла прозрачную чашку с зеленым чаем, – отправлю няню в магазин и поищу. Если и здесь нет, значит, у юриста или… Она даже думать об этом не хотела… Неужели Андрей постарался? – В последнее время она ему неоправданно легко доверилась.

Няня ушла, и она принялась искать завещание. Перерыла все. Бумаг не было. В этой квартире все потайные места ей были хорошо известны. Муж здесь почти не бывал. Это была ее территория. Как она говорила – это мое место для приема знати. Проверив еще раз все секретные места и ничего опять не найдя, она решила позвонить адвокату.

Валерия не любила адвоката своего мужа. И не любила всех адвокатов вместе взятых. Почему – то у нее возникало гадкое чувство, когда она знакомилась с очередным адвокатом или встречала уже знакомых. Это чувство – гадливость, по ее определению. Здороваясь за руку с представителями славного адвокатского племени, ей всегда было противно, и она потом шла

мыть руки. Нелюбовь к адвокатам пришла к ней с детства, когда над ее отцом навис уголовный процесс. Отец попал в переплет в начале девяностых. И наглые и алчные адвокаты сыграли тогда свою роль – чуть не посадили папу. Многие скажут, что адвокаты не сажают? Может где – то и не сажают, но только не у нас. В любом случае, это было ее стойкое убеждение:

– Семен Абрамович, здравствуйте, – это Валерия Верещагина… А узнали, узнали. Замечательно… Вы уже знаете? Откуда… Да, да…..Москва маленькая и все известно. Доложили утром… Спасибо за соболезнования. Я хотела с вами встретиться и обговорить кое – что. Как? Позвоните? Ладно… До завтра.

«Вот козел! Знает же, зачем хочу встретиться, и затягивает, решил помурыжить, старый пень». Валерия еще походила по комнатам, затем, надела новый костюм, и поехала в армянский переулок, еще в одну свою квартиру.

Глава 8

Наконец – то Валерия ответила:

– А вы знаете, что произошло самое ужасное, что могло произойти? – спросила она слегка дрожавшим голосом.

– Нет, я не знаю, – ответил Куроедов.

– Вчера не стало Дмитрия Сергеевича!

– Как не стало, Что вы говорите!… Я с ним позавчера разговаривал… Примите мои соболезнования… Так жалко.., – Степан представил вдову по ее голосу. Почему – то в воображении всплывала улыбающаяся молодая особа. – Что же делать? Я прилетел по просьбе Дмитрия Сергеевича. С письмом. Он говорил, что известил вас обо мне.

– Да он писал и звонил. Я в курсе. Приезжайте ко мне в армянский переулок часов в восемь вечера. Я сброшу адрес на сотку.

Валерия поговорила с учителем и задумалась. А нужен ли теперь учитель? Теперь вся ответственность за детей ляжет на ее плечи. «Ха, пусть родная мать возится с ними. Я их никогда не воспринимала как своих. Они жили со мной только потому, что так решил муж. Теперь, пусть живут с мамашей… Да, нет что я говорю? Оставлю все, как и было. Решу сначала все вопросы с наследством», – говорила она себе.

Она подумала, что учителя нужно пристроить во флигеле загородного особняка. Учить детей будет приезжать в город. «Поучит месяц, а там я от него избавлюсь».

***

Валерия постелила коврик и приняла одну из асан йоги. После этого села за компьютер и написала в Твиттере под ником Salamandra: «Сегодня мой путь прервали плохие события. Но я крепкая как скала и переживу все, что послали мне свыше». Она была страстная поклонница социальных сетей. Вела блоги и писала во многие интернет газеты и журналы. Это стало частью ее жизни. И в любой жизненной ситуации, плохой ли, хорошей, она переносила часть своих эмоций в интернет. Ее блоги и статьи читала масса людей. Чувство, что десятки тысяч незнакомцев читают твои мысли и рассуждения наполняли ее энергией. Она становилась сильнее, когда чувствовала поддержку людей. Правда, российский интернет переполнен неадекватными людьми. Тролли просто гуляют стаями по интернету. Ругань стоит невыносимая и иногда, как ей казалось, от экрана компьютера исходит вонь.

Валерия была популярна и в интернет среде, а популярности люди не прощают. Целые армии психов и дегенератов обрушивали на нее свой гнев и злобу. Но она не сильно переживала. Раньше ее это нервировало, а через годы общения в интернете все эмоции исчезли. Она холодно издевалась над такой публикой или не обращала внимания на ее нападки.

Вообще, российский интернет впитал в себя много плохого и является отражением всей российской жизни. Вся злоба, ненависть людей друг к другу, их социальное неравенство и скудная жизнь, потоками грязи вылилась в пространства сети. Весь сброд общества почувствовал возможность проявить себя и показать свою больную значимость. Это все и привело к тому хаосу и распущенности, который окутал сегодня интернет среду.

Написав ежедневный пост, Валерия успокоилась. Она не стала прерывать свое ежедневное занятие. Это уже стало для нее своеобразным наркотиком.

Телефоны взорвались. Звонила вся Москва. Все выражали свое соболезнование. Как узнали? Такие вести быстро распространяются. Валерия не успевала отвечать. Позвонила мать с Сургута. Сказала, что скоро прилетит. Отец был в Канаде, в командировке. Звонить продол-

жали до тех пор, пока она не отключила связь с внешним миром. Ей нужно было обдумать план действий на несколько самых горячих дней в ее жизни. Она думала о том, как действовать и что предпринять в плане распределения наследства. То, что ее мужа уже нет ее не волновало. Она подсчитывала, насколько велики шансы у бывшей жены Верещагина отхватить себе часть денег и недвижимости. Зная ее характер можно было сказать, что борьба будет нелегкой. «Но все же, где завещание?». Валерия не жила с мужем в браке, а была гражданской женой, и если нет завещания, то на наследство претендует его бывшая жена и дети. Она думала, что у нее есть только две возможности: или найти нормальное завещание в свою пользу или его написать.

Зазвонил сотовый; этот телефон был только для своих. Звонил Андрей, помощник ее мужа:

– Привет, моя радость! Я уже в Москве. Скоро тебя увижу.

– Привет! Может не надо, все – таки я еще начинающая вдова и не факт, что народ поймет, если рядом будет мужик. Хотя нужна помощь в похоронах. Приезжай…. А, да ты уже рядом…

В дверь позвонили. Вошел Андрей. Как всегда свежий и хорошо пахнущий новым мужским одеколоном. Они обнялись. Валерия почувствовала крепкое мужское тело, прижалась и растворилась в нем; напряжение последнего дня растаяло.

– Как ты? – спросил Андрей.

– Все нормально, если б не было войны! – Валерия вошла в привычный для нее саркастический тон. – Все идет по плану. Но есть одна маленькая неприятность, отрава всей моей жизни! Нет завещания. Хотя, я помню один разговор с мужем. Он сказал, что оставил завещание и все отписал мне и детям. Свою бывшую, он в завещание не включил. Вот такие дела… Везде обыскалась, нет бумаги! Что делать?

– Слушай, это не все плохие новости, – сказал Андрей, – сегодня мне на комп пришло сообщение. В нем говорится, что они, – он хрустнул пальцами рук, – не делали этого. Кто – то сделал это раньше них. Но, требуют все оплатить. И быстро.

– Как это не делали? – Валерия была ошарашена, – кто тогда?

– Не знаю, да и знать не хочу. Главное, дело сделано! Здесь прослушки нет?

– Нет, система слежения включена и отловит, если слушают. Муж поставил самую крутую. Хотя, болтай все же меньше.

– Сегодня нужно ответить. Люди серьезные и шутить не будут. Достань бабло.

– У меня есть сумма, это не проблема. Но вот кто это параллельно работал? Нужно выяснить и это я поручаю тебе, мой доблестный друг, – она улыбнулась очаровательной улыбкой и обняла Андрея, – я соскучилась. Пойду в душ, а ты жди меня и думай, кто наш непонятный ангел хранитель?

…Они лежали на мягкой кровати; он курил, пуская дым кругами в потолок, а она потягивала свежий зеленый чай с мятой. Каждый раз, когда она занималась сексом с Андреем, с ней происходило чудо – это был единственный мужчина, который умел вознести ее на Эверест сексуальных наслаждений. Она испытывала восторг от такого любовника. Он был всегда хорош. Где он проходил такую школу секса, она не знала, но он проделывал с ней различные фокусы, которых не было даже в Камасутре. Это нравилось Валерии.

Расслабившись, она поставила чашку на гладкий столик, потянулась, ощущая приятную слабость в ногах, и положила голову на его грудь. Она услышала, как часто бьется его сердце. «Ага, парень так же завелся. Это хорошо! Могу его контролировать».

Но она ошибалась. Он был возбужден своими новыми мыслями. Он думал о том, как теперь жить и что делать. Все, что он хотел начало свершаться. Главной его задачей было – перехватить через Валерию деньги и бизнес ее мужа. Из – за денег он и ввязался в план Валерии. «Классический случай. Любовный треугольник. Кульминация. Затем, богатый муж отдает концы», – думал он, ощущая тепло Валерии.

Глава 9

Степану на сотку пришел адрес квартиры Валерии. Он посмотрел на часы. Было 17 часов. Время еще есть, тем более, отсюда недалеко (посмотрел по карте центра города, где находится ее квартира). Прогуляюсь, решил учитель.

Степан Куроедов ходил по городу, впитывал в себя его особенный воздух и его напряжение. Все вокруг двигалось, летело, кружилось. Это была стремительная жизнь большого города. Он попытался найти первоначальный смысл жизни города; понять его метафизику. Он читал, что город родился на семи холмах, так же как и Рим. Он стал представлять, что летел над этими холмами вместе с пролетающими, наполненными вечерним солнцем облаками и смотрел вниз с высоты птичьего полета. Поупражнявшись, таким образом, он так ничего и не понял о скрытых пружинах жизни города. «Потом пойму!» – решил Степан и пошел на встречу к Валерии.

Степан шел и вглядывался в лица москвичей. Что – то в нем изменилось; он стал критически рассматривать прохожих и, про себя, отпускать колкие замечания незнакомым людям. Его взгляд на жизнь народа неожиданно для него самого переменился. Он почувствовал себя уже над этой толпой, которая проплывала мимо него в разных направлениях. У него в кармане лежали пластиковые карточки со значительной суммой денег. Эти карточки были ключом для него, как для Буратино, который хотел найти дверь в волшебную страну. Он почти нашел свою страну. Теперь над ним не висел «дамоклов меч» жалкого безденежья. Не стало вечных издевательств жены и друзей над его неспособностью зарабатывать как все нормальные люди.

Он вспомнил жену и ее презрительный взгляд, нехорошо усмехнулся и закурил. Остановившись около большого стекла витрины, увидел себя нового, в новой одежде и в новом статусе. Костюм от кутюр сидел как влитой, а галстук подчеркивал вновь приобретенную значимость. «Да, хорошо быть богатым и здоровым! – подумал он, – еще лучше очень богатым и сильно здоровым. Во, загнул… Как мне там сказали…. Теперь могу тратить сколько хочу!

– Эй, друг. Трать, но в меру, – появился голос Верещагина, *– яхты не покупать, самолеты и вертолеты тоже. Можешь купить машину, но не «Майбах». Сейчас Степан, вместо любования собой и подсчетов, ты подумай, как представишься моей жене. Она совсем не дура и расколет тебя за пару секунд. Так что, проговори свою легенду… Так, стой, ты не туда пошел… Направо… Вот книжный «Библио – Глобус». Кстати хороший магазин, рекомендую. Видел у тебя дома библиотеку. Добавишь книг. Хотя, когда ты попадешь то домой? Теперь тебя медом туда не заманишь! Возьмем тебе хату в Москве, девицу и пристроим в бизнес,* – вовсю врал голос, *– направо… и вниз по этой улице. Вон стоит дом красавец. Квартира на втором этаже. Ну, с Богом.*

Степан слушал с радостной улыбкой. Он представлял себе, как он будет обживаться в городе. От перспектив у него даже онемели виски…

***

– Вы Степан Иванович Куроедов, – определила Валерия. Перед ней стоял мужчина около сорока лет, свежо загорелый, и с добродушной улыбкой на открытом лице.

– Да, он самый. Учитель литературы. Ваш муж нанял меня на работу для обучения детей, – он чуть прищурил глаза, – вот письмо от него.

Валерия прочитала письмо, явно написанное рукой мужа (он писал письма от руки, боялся подделок). Вспомнила, что такое же письмо пришло электронной почте. Сомнений не было, муж нанял этого парня на работу. «Последняя воля мужа. Пусть учит» – подумала она.

Куроедов узнал лицо Валерии. Он ее часто видел в телевизоре. И она поняла, что Степан ее узнал. Чуть приподняла голову и улыбнулась плакатно. «Да что я делаю? Перед ним еще не хватало выпендриваться!». Она пригласила Степана в большой высокий зал цвета зеленого чая, усадила на диван и налила кофе.

– Ну, Степан, расскажите, кто вы, и что делали до нашей встречи. Только в двух словах. Много дел и вы знаете, что случилось, поэтому нет времени.

– Так может позже?, – спросил Степан, – завтра?

– Нет, сейчас. Завтра вы уже будете в штате.

Степан начал рассказывать о себе и своей жизни. Он говорил как на уроке, с эмоциями, махал, когда надо, руками, вставлял в речь свои афоризмы, и вообще, был в ударе. Валерии понравилась его речь. Она все с большим удивлением смотрела на оратора и удивлялась. «Да у нас на телевидении таких говорунов раз, два и обчелся». Он нравился ей все больше. Она склонила голову и внимательно, с легкой улыбкой смотрела темными карими глазами прямо в глаза Степана. Куроедов разошелся. Ораторский талант к нему приходил, когда он начинал говорить для слушателей. В быту, разговаривая с друзьями и родными, он был немного скучен. Завершив свой рассказ, он с нетерпением ждал вердикта Валерии. Та улыбнулась и сказала, что ей нравятся его способности как рассказчика и что муж не зря его выбрал в качестве учителя для своих детей. Сказала, что ей нравятся его мысли о жизни и обществе. Поэтому, она хотела бы его пригласить быть на ее вечерах, в ее «кружке Валерии», как говорят о нем в московском элитарном обществе.

– Это мое детище! Мой круг интересных мне людей. Это место концентрации мысли и духа! – разошлась Валерия, – там мы решаем, как жить дальше и куда двигаться обществу. Одним словом, я приглашаю вас в круг избранных. Этого многие добиваются, но не всем дано. Ни за какие деньги (хотя это я загнула) к нам не пробраться. Сегодня у меня горе, – она отвернулась, что бы учитель не заметил непроизвольной улыбки, – но скоро состоится заседание кружка. Вернее, каждый вечер у меня в гостях кто – то из политиков, блогеров… Будет с кем поговорить.

– Спасибо за такой подарок, – Степан совсем обалдел. Он не думал, что прямо с пыла, жара, вот так просто войдет в доверие к московской тетке высшего разлива, – приятно, не скрою!

– Ну, это не так сейчас важно. Вас отвезут в наш загородный дом. Там поселитесь.

Она позвонила, и пришел обстриженный под ноль огромный водитель в темном костюме.

– До свидания Степан… Давайте на ты?

– Хорошо, Валерия. До встречи!

– Да, еще, наши люди должны быть всегда на высоте. Вот возьми часы. Это подарок, она протянула ему коробку с «Ролексом». Это в знак нашего сотрудничества и дружбы, – мягко улыбнулась Валерия.

«Что то в ней есть от кошки, – подумалось Куроедову, – такая вся мягкая, ласковая….». Однако, ее муж говорил совсем другое и предупреждал, что бы Степан был все время на чеку. Она неожиданно кусает людей расслабленных и убаюканных ее речами и шармом…

Шофер открыл дверь огромной машины и учитель сел в «Майбах», достал планшетник и написал письмо жене. Отправил.

Дорога до загородного дома была тяжелой, всюду на дорогах были пробки из машин. И даже опытный водитель никак не мог быстро пробраться через это скопище механизмов и людей. Степан впервые ехал на такой машине. Он определил, что это «Майбах» по двум

буквам «М» на значке автомобиля; он видел такой значок по телевизору в рекламе. Обтекаемые черные формы машины поразили его своим совершенством. Салон и сиденья из светлой кожи; блестящее деревянные части отделки и фантастические ручки и кнопки для управления машиной разогрели его воображение автомобилиста. Он развалился на прошитом кожаном сиденье. «Да, жизнь приобретает новые оттенки», – для него это было продолжением той сказки, в которую он, как он думал, попал по ошибке.

– Сколько лошадей в тачке?

– Пятьсот, – шофера покоробило слово тачка, но прошедший курс обращения с гостями, он не выразил своего презрения к этому челу из деревни.

– Степа… пора подвести промежуточные итоги, – возник голос Верещагина, – давай, для начала, подведем итог твоих московских похождений. Валерию ты покорил. Не думал я, что ты такой прыткий. Это уже хорошо. Она тебе наговорила про свой кружок. Ты воспользуйся приглашением, будешь ближе к ней и остальным. Не забыл, твоя задача найти мне заказчиков убийства и не дать растащить мои деньги и остальное. Я завещал многое детям. Валерии часть – дом, квартиру в Армянском, немного денег (если считать что пятьдесят миллионов немного!). И все. И то, она все получит, если не причастна к моему убийству. Остальным, шиш с маслом! – голос пропал на минуту, затем опять зазвучал в голове Степана, *– Проект завещания (оригинал в другом месте) я спрятал в бумагах, которые ты нашел в камере хранения. Так что, оно у тебя. Ты являешься теперь объектом поиска. Я знаю, что завещание уже ищут. Давай посмотрим, кто же эти игроки… Смотри в оба, собирай информацию.*

Степан открыл кейс и нашел папку с документами. Среди них лежало завещание. Он даже испугался, так как понял, что стал невольной мишенью в сложной игре. Он почувствовал себя зайцем на поле, где полно охотников, которые готовы натравить на него голодных и веселых псов. С другой стороны, ему пришла мысль, что он теперь является ключевым элементом в чьей – то судьбе. «Завещание у меня и я могу затеять свою шахматную партию». Он вспомнил лицо Валерии, ее улыбку и ему показалось, что он может обладать этой женщиной. Она произвела на него сильное впечатление, и он стал мечтать о том, что у него может быть с этой женщиной. В его воображении, как наяву, была она. Ее каштановые волосы и карие глаза, ее насмешливая улыбка и чуть открытые красные губы. «О чем это я? Так и влюбиться можно. Она мне понравилась и все… Более, ничего!», – Семен закрыл глаза и опять старался вызвать образ Валерии.

За окном «Майбаха» сгущались сумерки. Городские улицы осветились лампами и засверкали рекламой. Ощущение другого мира опять посетило Степана. Он понял, что его жизнь не вернется в старое русло и что он не сможет возвратиться назад, домой. Прошел час или два. Наконец машина подрулила к огромному дому, окруженному высокими соснами и березами. Охранник провел его во флигель для прислуги.

Вошла экономка Света. Это была небольшая женщина средних лет. Быстрая и юркая. С простым лицом. Под левым серым глазом была черная родинка размером с конфетти. Когда она говорила, то немного поднимала и опускала голову, отчего родинка двигалась вверх и вниз. Вверх, когда начинала говорить фраз, и вниз, когда заканчивала. Одета в майку и синие джинсы (хозяйки не было дома и можно было не одеваться по принятому домашнему этикету).

– Здравствуй Степан. Мне звонила хозяйка и сказала, что б я тебя устроила, – она строго смотрела на него как будто сердилась, – где твои вещи?

– Нет вещей. Только сумка да кейс.

– Ладно. Умоешься, приходи на кухню на чай. Кухня дальше, прямо по коридору. Теперь смотри, – она потерла маленькие кисти сухих рук, – тут много разной электроники и тебе

нужно все показать. Вон Виктор, охранник, расскажет… Легко развернувшись на ногах, она ушла быстрыми и мелкими шагами.

Виктор, малый под два метра, с веселым лицом посматривал на Степана, и как только ушла Света сказал:

– У нас много разных примочек. Вот пульты для управления разными системами. Эти для музыки и телевизоров. Это чтобы включать свет. Разберетесь. Везде встроены сенсорные панели. Вот, смотрите, – он большим и толстым пальцем нажимал на панель около двери. Свет в комнате становился ярче. Парень был прост и располагал к себе. Степан любил веселых людей и с удовольствием рассматривал Виктора. Лицо широкое, лоб небольшой, нос каплей, а вот губы тонкие и одинаковые по размеру.

– Ну, я думаю, вы разберетесь. Пойдемте, я покажу, где какая комната.

Они пошли по флигелю. В нем было четыре комнаты для прислуги, сан узел и кухня.

Окончив экскурсию, Степан зашел к себе в комнату. Комната метров двадцати, все чисто и много света.

Он переоделся, сполоснулся и пошел на кухню. Кухня большая. За большим столом сидели Света, Виктор и еще один мужчина. Довольно тучный. «Повар, – сразу угадал Степан. Мужчина был небольшой, круглый с чисто выбритым лицом.

– Знакомьтесь, – сказала Света, – это наш повар, Василий Сергеевич.

– Степан, учитель литературы для детей Валерии.

– Дети то хозяина, – Света вдруг вспомнила, что хозяина уже нет и прослезилась.

Они сидели и разговаривали; Степан рассказал немного о себе, а его новые знакомые обрисовали ему, как они живут в доме олигарха и что нужно делать, что бы жить в этом доме хорошо. Они так же рассказывали Степану о правилах проживания. Он слушал и поражался такой системе взаимоотношений между людьми. «Вот тут и видно все различие между классами». Экономка рассказала много интересного о тайной жизни обитателей дома и пересказала слухи всего коттеджного поселка. Она почему – то сразу поверила Степану, приняла его как своего, и не стеснялась в выражениях и оценках.

Повар, Василий Петрович, включил приборы на кухне, запахло кофе и жареным. Он приготовил тосты, и вся компания славно поужинала. После чего Степан пошел спать. Он умылся в ванной комнате, похожей на космический корабль, залез в мягкую кровать и мгновенно уснул.

И снилось Степану много разных снов, которые были объединены единым сюжетом о его нынешнем положении. Сначала приснилась катастрофа самолета; полный дыма салон, плавающая как в невесомости публика и стюардессы; потом вышел пилот и сказал, что покидает самолет и выпрыгнул с парашютом. Степан пытался встать с кресла, но его что – то не отпускало, он был в него наглухо вжат. Затем полетел денежный дождь из купюр разных стран, которых он не знал. Денег было все больше, он уже видел тайфун из денег. Тайфун крутился, захватывал многих его знакомых и кружил их. Подхватил Степана и бросил его вверх. Степан закричал, но крика не было. Было тихо, хотя все вертелось.

Из воздуха появилось лицо Валерии. Оно было больше человеческого в несколько раз, и оно смеялось. Валерия начала раздеваться, сбросила с себя всю одежду и погналась за ним по небу. Он хотел спрятаться в облаках, но она схватила его за руку и начала ее сжимать. Вдруг она исчезла и появилась его жена. Жена смотрела на Степана раздраженно и все грозила пальцем. Картинки стали меняться, одна за другой. Горничные, повара, охранники, целые толпы людей на улицах Москвы, проплывали мимо Степана. Он обращался к ним, но его никто не слышал. Он хотел вырваться из этого круга, но не мог бежать и даже пошевелиться. Вдруг все разом исчезло. Он был на кухне и презрительно ругал экономку; говорил ей всякие гадости и сказал, что она тварь колхозная; что он миллионер и не может общаться с прислугой. Стал

вытаскивать кредитные карточки, которые посыпались сотнями из его карманов. Он принялся их ловить, но не смог поймать, ни одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.